

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Артур Конан Дойл привез из Африки терракотовую трубку в форме головы льва с чубуком из красного дерева. Трубка принадлежала вождю одного из племен и являлась атрибутом африканского культа предков: с ее помощью якобы можно было выходить из физического тела и перемещаться в мире духов. Вскоре после этого сэръ Артур не на шутку увлекся спиритизмом...

Мария СПАССКАЯ

Магическая трубка Конан Дойла

Артефакт & Детектив

Мария Спасская

Магическая трубка Конан Дойла

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Спасская М.

Магическая трубка Конан Дойла / М. Спасская — «Эксмо»,
2015 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-82621-6

Артур Конан Дойл привез из Африки терракотовую трубку в форме головы льва с чубуком из красного дерева. С ее помощью якобы можно было выходить из физического тела и перемещаться в мире духов. Вскоре после этого сэр Артур не на шутку увлекся спиритизмом... Лиза очнулась в больнице курортного городка и сразу все вспомнила: нужно спасти сына, взятого в заложники ее любовником. Толику срочно понадобились деньги, и он не нашел ничего лучшего, чем потребовать их у Лизы! Вчера она села на мотоцикл и отправилась за помощью к отцу, жившему неподалеку, но в волнении не справилась с управлением и угодила на больничную койку... Ночью, когда медсестра отлучилась на спиритический сеанс, проводимый известным медиумом в соседнем пансионате, Лиза выбралась из палаты и, стараясь не привлекать к себе внимания, решила все же добраться до дома отца. Проходя мимо пансионата, она встретила молодого человека со странной трубкой во рту. Он оказался студентом, путешествующим автостопом, и вызвался помочь Лизе...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82621-6

© Спасская М., 2015

© Эксмо, 2015

Мария Спасская

Магическая трубка Конан Дойла

© Спасская М., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Дельфинья бухта. Наши дни. Лиза.

Высокий голос звучал успокаивающе.

– Вы напрасно волнуетесь, никуда она не уйдет. Она в коме.

Это я в коме и никуда не уйду. Насколько могу судить, наблюдая за окружающим сквозь смеженные ресницы, я лежу в отдельной больничной палате, куда попала после аварии. В голове до сих пор явственно крутится картинка, как я распахиваю тяжелые двери дома. Перепрыгивая через две ступеньки, сбегая по изогнутой подковой лестнице и бегу в гараж. С грохотом поднимаю опущенные жалюзи, хватаю с полки ключи, неумело сажусь в седло мотоцикла и, прижимая локтем к боку книгу, даю по газам. Подпрыгивая на красной брусчатке, которой вымощены дорожки, объезжаю пирамидальные тополя, стараясь не наезжать на газон, маневрирую между пихтами, выруливая со двора. И, оказавшись на узкой приморской улочке, ведущей к бульвару, виляю рулем, стараясь объехать помеху. И врезаюсь в торговку чурчелой. Перед глазами мелькают ее пестрый платок, расширенные зрачки, перекошенный кричащий рот, но крика я не слышу.

Эта сухая, как саксаул, тетка из местных каждый день раскладывает свой немудреный товар на ящике у высокого каменного забора, окружающего наш дом, и усаживается рядом в тени на брезентовом стуле. В принципе мы с мужем не возражаем. Пусть торгует. «Кому она мешает?» – так сказал муж. Зачем он так сказал? Я снесла торговку мощным «БМВ», как кеглю в кегельбане. Правда, и сама, должно быть, пострадала, раз угодила в больницу. Вспышка боли, а потом провал, после которого я очнулась в больничной палате и увидела склонившееся надо мной смуглое девичье лицо с внимательными глазами цвета лесного ореха. Белый халат не оставляет сомнений, что это медсестра.

– Не думаю, что в ближайшие сутки ей станет лучше.

Сестра разговаривает с толстым полицейским, чернявым и раскосым. Она полагает, что я никуда не уйду. Как же она ошибается!

– Знаю я этих столичных штучек! – сердито загудел полицейский с заметным местным выговором. – Поселились в особняках на побережье и думают, весь мир для них! Тетя Манана мне, как мать! Я не позволю этой богатой дряни, – кивок щекастой головы в мою сторону, – выйти сухой из воды! Не сомневаюсь, что за ней вот-вот прикатит ее папаша и увезет доченьку в столичную клинику. Вроде как на лечение. И тогда мы только ее и видели! А кто будет отвечать за увечья, полученные потерпевшей?

Все верно. Отец непременно заберет меня из этой дыры. Тихое местечко у моря под названием Дельфинья бухта славится курортными здравницами самой разной направленности и мягким морским климатом, а вовсе не передовой медициной. Папа возглавляет крупный международный концерн, и для него не проблема заказать вертолет для моей транспортировки в столицу. Но раз я все еще здесь, значит, дела мои не так уж плохи, и в перелете нет особой необходимости.

Идея поселиться у моря принадлежит отцу. У него больное сердце, и пару лет назад папа построил дом в горной части поселка. И наша семья перебралась в Дельфинью бухту. Сначала мы жили все вместе. Затем родился Гоша, и когда у малыша диагностировали псориаз,

мы с мужем принялись искать для себя жилище рядом с детским санаторием, специализирующимся на лечении кожных болезней. И набрали на этот дом, где теперь и обитаем.

Два века назад особняк с пристройками и обширной парковой зоной на самом берегу моря принадлежал какому-то графу, а советская власть его национализировала и открыла в графских владениях детский санаторий. Постепенно территория парка застраивалась новыми корпусами, которые все дальше и дальше удалялись от старого особняка, выполнявшего роль административного здания. Время шло, дом ветшал и приходил в негодность, и в один прекрасный момент администрацию перевели в новое помещение. Опустевший графский дом продолжал числиться на балансе санатория, хотя давно уже ни на что не был годен, и от него нужно было как-то избавляться. Либо сносить, либо продавать.

Так вот, когда мы стали наводить справки насчет покупки участка с домом на побережье, детская здравница предложила нам выкупить часть своей территории вместе со старым домом. Что мы и сделали. За несколько месяцев строение отремонтировали, разбили на месте заросшего пруда бассейн и обнесли участок высоким кирпичным забором, сделав помимо калитки на территорию санатория еще два выхода. На узкую улочку, ведущую к набережной, и на пляж. Так мы без проблем в любой момент имеем возможность выбираться в город, ходить на море и посещать процедуры. К тому же из санатория нам приносят еду, и дважды в неделю приходит уборщица. Лечебные грязи буквально творят чудеса, делая покрытую болячками кожу моего мальчика шелковистой. Меня точно током ударило. Гоша! Господи, что же я здесь лежу? Мне срочно нужно взять у отца деньги, чтобы вернуть сына домой!

День начинался просто замечательно. Я даже подумать не могла, что он так страшно закончится. Гоша пропал после обеда. Я только что вернулась с пляжа и медленно шла от калитки через лужайку по направлению к дому, вытирая волосы полотенцем, когда увидела в бассейне плавающий собачий труп. Это был крохотный щенок, карликовый пудель Арчи, любимец Гошеньки. Вокруг беспомощно раскинувшего лапы песика расплывалось розовое пятно, делая голубую воду фиолетовой. На белом шезлонге, окрасив пластик красным, лежали перемазанные кровью ножницы.

Гоша не должен этого видеть. Я взяла сачок для удаления мусора с поверхности воды и выловила из бассейна несчастное животное. Неся Арчи на вытянутых руках, прошла по лужайке до сада и, свернув с засаженной абрикосовыми деревьями аллеи в каменистые отроги, ярусами скальных пород уходящие ввысь, нашла подходящую расщелину и опустила туда тельце щенка, привалив могилку камнями. Торопливо вернулась к дому, бросила сачок и закричала, призывая няню:

– Марина!

Стоя против солнца, я смотрела на оштукатуренный желтый дом с двумя одноэтажными крыльями. Я всматривалась в его центральную двухэтажную часть с отливающими слюдой чисто вымытыми окнами. Двумя наверху, справа и слева от балкона, и двумя снизу, по обе стороны от высокой двустворчатой входной двери, к которой вела широкая лестница, подковой расходящаяся в обе стороны. Всматривалась до тех пор, пока на втором этаже не скрипнула балконная дверь и на балкон не вышла заспанная няня. Ее широкое доброе лицо со сна носило следы подушки, глаза непонимающе щурились на свет.

– Что такое, Лиза? – насторожилась она. – Что-то случилось?

– Марина, идите сюда!

Со своей маленькой головкой, узкими плечами и обширным задом Марина напоминала грушу. Застегивая на ходу цветастый халат, няня торопливо вышла из дома и устремилась ко мне. И через пару минут уже стояла на краю бассейна и вертела в руках, рассматривая, окровавленные ножницы.

– Кто-то убил Арчи, – проговорила я. – И бросил в бассейн.

– Арчи? – переспросила перепуганная женщина. – Как Арчи? Он же был в детской...

От нехорошего предчувствия у меня потемнело в глазах.

– А Гоша? Он тоже в детской? – сдавленно пробормотала я, устремляясь к лестнице. Вбежав по ступеням, я распахнула дверь и пулей бросилась наверх, чтобы своими глазами убедиться, что с сыном все в порядке. Ворвавшись в детскую, безумным взглядом обвела пустую постель. Отброшенное одеяло в белом пододеяльнике комом лежало в углу, простыня сбилась к стене, а подушка еще хранила вмятину от его милой кудрявой головки. Просыпаясь, Гошка первым делом звал меня и, еще тепленький, перебирался ко мне на руки.

– Кто живет под потолком? – спрашивала я. И сама отвечала: – Гном.

И, слыша знакомые слова, сын улыбался смутной улыбкой. Это наши любимые стихи. Его и мои. Книга со стихами про гнома лежала у кровати. Прекрасное издание в переплете размером в половину ученической тетради. Значит, когда сын проснется и не обнаружит своей любимой книги, у него случится истерика. Я почти физически ощутила родной запах Гошки, запах мокрого со сна мышонка и внутренним взором увидела его влажные от слез щечки и приоткрытый в плаче рот.

– Где он? – не скрывая охватившей меня паники, рывком развернулась я к Марине.

Няня склонилась к детской постели так, что ее длинные тонкие волосы, точно водоросли, свесились вдоль круглого лица, и недоверчиво проговорила, словно не понимая абсурдность своего вопроса:

– Разве его нет в кроватке?

– Сами не видите?

– Лиза, клянусь, я не знаю, где Гоша, – бормотала перепуганная женщина. – Я его уложила и тоже прилегла у себя. Вы же знаете, мы с Гошей утром в зоопарк ездили... С Гошенькой сложно, я очень устала, положила его, он заснул, и я заснула... Честно, не знаю, куда он мог деться.

Зато я знаю. Моего сына забрал Толик. Вчера он просил денег. Говорил, что если не достану полтора миллиона, меня ждут крупные неприятности, только я не поверила. А зря. Теперь Толик забрал Гошеньку. Под торопливо-извиняющееся бормотание няни я перетрясала постель малыша, словно надеялась, что он и в самом деле все еще здесь, только я его почему-то не вижу. Схватив одеяло, тряхнула его как следует и отбросила на пол. Затем ухватила подушку и швырнула ее поверх одеяла.

– Арчи с нами в детскую пришел, – теребя ворот халата, продолжала оправдываться няня, пока я остановившимся взглядом смотрела на сложенный пополам лист бумаги, на внутренней стороне которого просвечивала какая-то надпись. В висках стучало, перед глазами плыли радужные круги. Стараясь унять бешено колотящееся сердце, я дрожащими руками развернула записку и, сосредоточившись, прочитала кое-как накарябанное: «Включи трубу!»

Это правда, я все время забываю про телефон. Да он мне и не нужен. С кем мне разговаривать? Мать и отец заходят, когда нужно, а до остальных мне дела нет. Аппарат привычно лежал в тумбочке разряженный под ноль, и я, подсоединив зарядное устройство, нажала клавишу включения.

– Арчи не лаял, я бы услышала, – заискивающе глядя на меня, выдохнула Марина, наблюдая, как я кладу в пепельницу записку, подхожу к камину, беру спички и, вынув одну, чиркаю о коробок, поджигаю бумагу.

Сигнал о поступлении новой эсмэски вывел меня из задумчивости. Сообщение пришло с номера Анатолия. «Сделаешь, о чем говорили, получишь то, что ищешь».

Этой зимой Толик стал моим любовником. Я до сих пор не понимаю, как это получилось. Более нелепого поступка я не совершала за всю свою жизнь. Очень странно. Что это на меня нашло? Но об этом после. А пока деньги. Мой крохотный Гоша, до обморока боявшийся как будто вечно не бритого и пахнущего крепким мужским потом резкого Толика со спутанными, собранными в хвост буйными кудрями, долго не протянет в его компании. Да еще

без любимой книги. Нужно срочно его забирать! А чтобы быстрее получить деньги, я решила добраться до дома отца на мотоцикле Алекса. Сегодня муж приезжает в Дельфинью бухту, и мне по вполне понятным причинам очень хотелось решить вопросы с любовником до его приезда. Вернув телефон в тумбочку, я повернулась к няне.

– Марина, все в порядке, – с трудом выдавила из себя я. – Гошу забрал мой папа. И Арчи он тоже забрал. А ножницы просто грязные. В краске.

– Ну как же он мог? Вот так! Никого не предупредив! – заохала женщина. – Я же волнуюсь!

– Он очень соскучился по Гошке, – буркнула я. – Идите домой, Марина. На сегодня вы свободны.

Няня неторопливо направилась в отведенную ей комнату, сменила халат на цветастый сарафан и, спустившись по лестнице, утицей выплыла из дома. Пересекла участок и скрылась за калиткой. И вот тогда я с книжкой под мышкой сбегала со ступенек вниз, выскочила из дома, вывела из гаража мотоцикл и, выехав на улицу, не справилась с управлением и сбила старуху, продававшую чурчелу. По факту наезда, похоже, возбудили уголовное дело, раз меня стережет полицейский. Но это ничего не значит. Я все равно при первой же возможности уйду из больницы, раздобуду денег и заберу моего мальчика.

Медицинская сестра поднялась со стула.

– Дело ваше, дядя Марат, сидите, если хотите. Стерегите нашу красавицу. – Девушка усмехнулась, направляясь к двустворчатым дверям палаты. И зачем они такие высокие? Точно сделаны специально для того, чтобы в них мог въехать конный всадник.

– В палате сидеть охренеешь, – пробурчал полицейский. – Я лучше телевизор в холле включу. Ты как, Виктория, не против? Ток-шоу с Владимиром Соловьевым скоро начнется. Люблю послушать. Умные люди приходят. Дискутируют.

– Включайте себе на здоровье, – махнула рукой сестра.

Она уже почти дошла до двери, но на секунду замешкалась, словно задумавшись, и вернулась к моей кровати, рядом с которой на освободившемся стуле уже пристроился полицейский.

– А скажите, дядя Марат, долго ваш Соловьев идет? – как бы невзначай поинтересовалась медсестра.

– Часа три обычно передача длится, – почесал нос толстяк.

Глаза Виктории возбужденно загорелись.

– А может, я выскочу ненадолго в «Чайку»? Я с Надеждой договорилась. Надя только что позвонила, сказала, что не сможет. А мне очень надо.

– На танцы, что ли? – подмигнул полицейский.

– Скажете тоже, – зарделась сестра. – Сегодня в санатории проводят спиритический сеанс. Мне обязательно нужно там присутствовать. Дядя Марат, умоляю, присмотрите за отделением, ладно? Если что случится, звоните мне на мобильник.

Полицейский запустил пятерню в густой ежик черных волос и, прищурился и без того узкие глаза, с иронией в голосе спросил:

– Виктория, ты же взрослый человек. Зачем веришь во всякую ерунду?

– Да я не то чтобы верю, – вспыхнула девушка, откидывая за спину толстую косу. – Просто любопытно.

– Любопытно ей. А не боишься привидений?

– Я же не одна, а с Катериной.

– Знаю я твою Катерину, – расплылся в улыбке мужчина, отчего лицо его стало похоже на японское божество коварства. – Бойкая девица. Несколько раз самостоятельно драки на танцах разнимала. Катерине нужно поднять вопрос, чтобы администрация санатория к окладу аниматора добавила ей полставки как сотруднице безопасности. Что-то я, Виктория, за тебя

волнуюсь. Смотрите там! – погрозил он девушке пальцем. – С этой твоей боевой подружкой дров не наломайте.

– Ну что вы, дядя Марат! – обрадовалась сестра, снова устремляясь к двери. – Можете не сомневаться. Я за Катюшкой присмотрю, чтобы в драки не лезла!

Англия, 1905 год

– Нет, мистер Дойль, вы как хотите, но так нельзя! – расхаживая с только что прочитанной рукописью по кабинету, горячился секретарь писателя – невысокий чопорный брюнет с зачесанными на аккуратный пробор редкими волосами неопределенного цвета и тонким скептическим ртом под узкой полоской усов. От возмущения вены на его высоком лбу вздулись, а воротничок вздыбился острыми накрахмаленными углами к по-мальчишечьи оттопыренным ушам. – Над историческими романами вы, сэр Артур, работаете тщательно, скрупулезно сверяясь с многочисленными источниками. Для защиты безвинно оклеветанного Джорджа Эдалджи готовы рыть носом землю, собирая доказательства его непричастности к убийству лошади. А тут?

В сердцах он хлестко ударил ладонью о ладонь.

– Рассказы о Холмсе вы пишете порой очень небрежно, отчего в них полно вопиющих ошибок и несообразностей!

Автор нашумевших историй о знаменитом сыщике оторвался от изучения карты военных действий, которую штудировал, собираясь переделать рассказ «Ветеран 1815 года» в одноактную пьесу, и с интересом осведомился:

– Каких, например, дорогой Альфред?

– В той местности, о которой вы пишете, – секретарь снова потряс исписанными листками, – совершенно точно нет железной дороги, а у вас на этом строится сюжет!

– Нет? Значит, я проложил, – большое круглое лицо Конан Дойля тронула едва заметная улыбка. Пышные пиенечные усы дрогнули, и писатель кинул на негодующего секретаря насмешливый взгляд, призывая обернуть все в шутку. Но Альфред Вуд был неумолим.

– Нет уж, сэр Артур! Автор должен отвечать за каждое написанное слово! Вы предлагаете читателю поверить, будто за две минуты Холмс может преобразиться так, что даже Ватсон не узнает его!

– Вполне реальная ситуация. Я сам так умею.

– Да? Вы полагаете? – в голосе секретаря звучал неприкрытый скепсис. – Или взять собаку доктора.

– Какую собаку?

– Вот! Вы уже и сами не помните! А я вам напомню. Договариваясь в первой повести снимать квартиру, Холмс и Ватсон обсуждают, какие у кого недостатки и как они могут мешать совместному проживанию. Ватсон говорит, что у него есть щенок бульдога. И большие об этом бульдоге не встречается ни единого упоминания! Куда он делся? Сбежал?

– М-м...

– В «Человеке с рассеченной губой» жена называет Ватсона Джеймсом, – безжалостно продолжал перечислять секретарь, – и это при том, что его зовут Джон! А уж в «Пестрой ленте» парадокс на парадоксе! Где вы встречали «болотную гадюку, самую смертоносную индийскую змею», которая приучена пить молоко из блюдца, спускаться по шнуру от колокольчика, а затем по свисту хозяина возвращаться к нему по тому же самому шнуру через вентиляционное отверстие?

– Что-то не так, Вуд?

– Но болотных гадюк нет в природе! Змеи не пьют молока! Они его не переваривают! И они почти совсем глухие – у них нет внешнего уха! Чем ваша гадюка слышала свист? И наконец, ни одна змея не сумеет взобраться по шнуру от колокольчика!

– Но, мой друг, в детективных рассказах, как мне кажется, главное – драматизм, а точность в деталях не так уж важна.

– А что прикажете думать людям, которые сначала прочли, что ваш Холмс – «всегда встает рано, съедает неизменный завтрак и уходит из дома до того, как поднимается Ватсон», а уже в следующем рассказе ваш главный герой «встает по обыкновению поздно». В одном рассказе Холмс говорит, что несколько не интересуется философией, а в другом – цитирует малоизвестных философов и объясняет философские системы. Ну и, наконец, как же все-таки выглядит инспектор Лестрейд? Из «щуплого человечка с изжелта-бледной крысиной физиономией и острыми темными глазками» он вдруг превращается в «коротышку, похожего на бульдога»!

– Ну, все! Хватит! – писатель отбросил лупу, при помощи которой исследовал карту, и хлопнул широкой ладонью по столу. – Я не собираюсь ничего переделывать! В отличие от вас, Альфред, я не считаю сыщика своим лучшим персонажем, и хотя и зарабатываю в основном за счет Холмса, не придаю ему значения, ибо он никогда не сделает меня великим литератором!

Из-за плотно прикрытой двери донеслись оживленные голоса, и писатель, рывком поднявшись из-за стола во весь свой замечательный рост, в два шага преодолел расстояние от рабочего кресла до порога и, распахнув дверь, раздраженно крикнул в глубину коридора:

– Что там за шум? Или кто-то забыл первое правило этого дома – когда я работаю, не должно раздаваться ни звука!

Секретарь кинул на босса сердитый взгляд. Еще год назад писатель позволял своим детям – семнадцатилетней Мэри и четырнадцатилетнему Кингсли – в любое время заглядывать к нему в кабинет, независимо от того, работает он или нет. Но теперь! Теперь все сильно изменилось. В последнее время мистер Дойль сделался раздражителен и резок. И на то имелись причины. Тринадцать лет назад врачи внезапно обнаружили у его жены скоротечную чахотку и сообщили безутешному супругу, что дни бедняжки Луизы сочтены. Однако год проходил за годом, но слабая женщина продолжала по мере сил бороться с недугом. Нельзя сказать, чтобы мистер Дойль был этому обстоятельству очень рад, ибо сердце его целиком и полностью принадлежало другой.

Другую звали Джин Леки. Когда они познакомились, писателю было тридцать восемь, а ей двадцать два. И трудно было не замечать, как светлело лицо этого рослого здоровяка в присутствии девушки, с которой преуспевающий автор нашумевших детективных историй познакомился на обеде у друзей. Но, как истинный джентльмен, джентльмен до мозга костей, Артур Конан Дойль старался не афишировать свои чувства. Мисс Леки отвечала взаимностью своему немолодому обожателю, и, понимая, что счастье с Джин так возможно и в то же время пока что недостижимо, сэр Артур в последнее время все чаще и чаще срывался на родных, стараясь как можно меньше времени проводить в доме на Теннисон-Роуд.

– Папа, мы просто хотели сказать, – робко сообщил из-за двери юный Кингсли. – Маме сегодня лучше. Доктор Роджерс разрешил ей небольшую прогулку в парке.

– Что? Прогулку? – повысил голос писатель. – А помнит ли ваш доктор, что я и сам некоторым образом врач? На мой взгляд, прогулки могут вызвать у нее обострение болезни. Но раз доктор Роджерс так считает, не смею ему перечить. Так маме и передай – если она желает подышать воздухом – то почему бы и нет?

– А ты пойдешь с нами?

В голосе сына сэра Артура явственно слышалась надежда.

– Я? – смешался отец. – Нет, мой мальчик. У меня крикетный матч. Скажи маме, чтобы теплее одевалась.

Когда за разочарованным юношей закрылась дверь, Дойль обернулся к секретарю и доверительно проговорил:

– Ах, Вуд! Если бы вы знали, как надоел этот лазарет в стенах собственного дома!

– Я понимаю вас, сэр, – сдержанно отозвался Альфред Вуд.

– Однако, – писатель хлопнул в ладоши, – если вы уже закончили критическое выступление по поводу несовершенства Холмса, давайте перейдем к делу.

Широкоплечий и спортивный, он шагнул к шкафу, где хранился архив, и, распахнув застекленную дверцу, выдвинул большую коробку с нижней полки.

– На чем мы остановились?

– В прошлый раз, сэр Артур, мы остановились на том моменте вашей биографии, как вы окончили университет.

– Вот и отлично! Подготовьте хронологическую таблицу к следующей главе. А я, с вашего позволения, откланяюсь – полагаю, меня заждались на крикетном поле.

Москва, 199... год

В самом центре Москвы, окруженный чахлыми липами и обнесенный высоким забором, расположился неприметный научно-исследовательский институт из тех, которые в народе именуют «почтовыми ящиками». В отличие от других НИИ, во время перестройки дышащих на ладан, эта организация чувствовала себя относительно хорошо. Здесь не сдавали кабинеты в аренду кооператорам, а продолжали вести научную работу.

Как и положено заведениям подобного рода, на проходной дежурил в стеклянной будке, напоминающей стакан, вооруженный боец вневедомственной охраны, пропускавший на вверенную ему территорию исключительно специалистов, и только по пропускам. Сразу за проходной начинался широкий светлый коридор с вечно мигающими длинными палками ламп дневного света, в лучах которых спешащие по своим делам сотрудники становились похожи на постояльцев прозекторской. Заканчивался коридор уютной маленькой курилкой.

Курилка никогда не пустовала. Там всегда было дымно, шумно и весело. Не затихали взрывы смеха, вызванные сальными анекдотами и рассказами скабрёзных случаев из жизни, а также тяжкие вздохи, спровоцированные завистливыми повествованиями о достижениях более удачливых коллег. Если удавалось, то пришедшие покурить присаживались на плотно сколоченные между собой обшарпанные кресла, принесенные в курилку из «красного уголка». Те, кому мест не хватило, становились вдоль выкрашенных зеленой краской стен, подпирая их спинами. Белые халаты лаборантов соседствовали с солидными пиджаками начальников отделов, и этот скучный фон разбавляли яркие вкрапления свитеров инженерно-технических работников.

Вытянутый свитер Радия Полонского мелькал в курилке значительно чаще остальных. Улыбчивый широкоплечий парень с взлохмаченными русыми вихрами, сметливым прищуром прозрачных серых глаз и неизменной сигаретой, зажатой в уголке пухлых губ, по ситуации зажженной или не зажженной, недавно окончил престижный институт и числился в молодых специалистах. Среди завсегдатаев курилки он слыл вруном и хвастуном, хотя, должно быть, и в самом деле имел основания задирать нос. Одних только запатентованных изобретений у молодого дарования скопилась толстая папка, хранившаяся в запертом на ключ ящике его рабочего стола.

– Или вот хотя бы такую я придумал штуку для поездов в метро, – звенели раскаты голоса Полонского под дымными сводами курилки. – Присоска, которую, прежде чем усесться на освободившееся место, прилепляешь к оконному стеклу позади себя. От присоски тянется петля, которую надеваешь себе на лоб. И тогда, даже если заснешь, голова никогда не свесится на грудь, и не будет болтаться поникшим тюльпаном, забавляя пассажиров.

– Смешно, – хмыкала одна часть курилки.

– А что, в этом что-то есть, – цокала языками другая.

При Радию Полонском неизменно состоял верный Санчо Панса, Михаил Басаргин. Михаил был также молодой специалист, хотя и не такой перспективный, как его одаренный товарищ, притом начисто лишенный колорита и индивидуальности. Когда в курилке звенел голос Полонского, можно было не сомневаться, что в углу обязательно окажется Басаргин в чистенькой белой рубашке и темно-синем пуловере, поверх нее. Его аккуратный пробор с зачесанной на бочок серой челкой только подчеркивал длинный тонкий нос, по обе стороны которого прилепились черные бусинки глаз, вззирающие на мир из-под толстых стекол очков. Отшвырнув щелчком окурок, Радий оборачивался к вжавшемуся в угол Басаргину и насмешливо говорил:

– Ну что, Мишаня? На галеры?

Тот торопливо кивал, смущенный недоумевающими взглядами коллег, и тушил недокуренную сигарету.

– Рыба-прилипала этот Басаргин, – закрывая за собой дверь, слышал он раздраженный шепот в удаляющуюся спину. – Паразит. Нахлебник. Вот увидите, рано или поздно подсядет он нашего Радия!

Но недоброжелатели ошибались. Михаил Полонским искренне восхищался. Как, впрочем, и Полонский по-своему любил Басаргина. Приятели дружили еще с института, и, получив распределение на закрытый объект, Радий настоял на том, чтобы Басаргин попал в ту же самую организацию. Объяснялось это не столько привязанностью Полонского к другу, сколько прагматическими соображениями. Подающий надежды изобретатель приехал в Москву из Луганска, и, познакомившись с будущим однокурсником на подготовительном отделении, все эти годы жил в доме Басаргиных. Мама Михаила не возражала против квартиранта. Напротив, она всячески приветствовала общение замкнутого сына с коммуникабельным и жадным до новых впечатлений приятелем, которого интересовало буквально все.

То вдруг Радий выращивал на загородном участке Полонских селекционные сорта винограда, пригодные для возделывания в прохладном подмосковном климате. То забрасывал виноград и загорался идеей изобрести такое покрытие на обувь, к которому не прилипала бы грязь. Или почти год работал над созданием прибора, способного определить при помощи простого прикосновения к пузырьку, что за содержимое в нем находится. И стоит заметить, что у Полонского все получалось. Ну или почти все. Особенно тогда, когда за дело брался Басаргин. Каждую удачную идею Радий тщательно описывал, оформлял патент на свое имя и складывал запатентованные открытия в папку, хранящуюся в столе кабинета покойного Мишиного отца, который он теперь занимал.

В тот день приятели возвращались с работы в приподнятом настроении. Залитая солнцем улица пестрела нарядными девушками, по случаю весны сменившими теплые шубы и зимние сапоги на легкие курточки, из-под которых призывно виднелись короткие юбки и стройные ноги в прозрачных колготках. Широкоплечий высокий Радий, не замечая игривых взглядов красоток, точно мальчишка, скакал через покрывающие асфальт лужи. Клетчатые полы его распахнутого пальто трепал озорной апрельский ветер. Неизменная сигарета дымилась в приподнятом улыбкой уголке рта.

– Я, Мишаня, не сомневался, что меня пошлют на симпозиум в Лондон, – рубя перед собой ладонью воздух, живо говорил он идущему рядом с ним Басаргину. – Но, честно говоря, я не думал, что мое условие обязательно взять и тебя будет встречено положительно! Это отлично, старик! Ты хотя бы отдаешь себе отчет в том, что мы с тобой едем в Англию!

Застегнутый на все пуговицы Басаргин сверкал на друга очками из-под низко надвинутой на лоб зимней шапки, поправляя намотанный на шею шарф и несмело улыбаясь застенчивой улыбкой.

– Это дело надо бы отметить! – гудел на всю улицу Полонский. – Давай, Мишаня, купим бутылочку «Апсны» и пирожные «Картошка». Доставай кошелек.

Миновав Большой Козловский переулок, приятели спустились к метро «Красные ворота» и заглянули в гастроном на углу. Отстояв очередь в кондитерский и винный отделы, молодые специалисты запаслись провиантом и двинулись через переход к расположенной на другой стороне Садового кольца породистой сталинке с лепниной. Здесь, на пятом этаже, в просторной профессорской квартире, темной от старых бордовых обоев, обилия антикварной мебели и толстых раритетных книг в тяжелых переплетах, дожидалась возвращения друзей мама Михаила Алла Николаевна. С кухни тянуло борщом и котлетами. По квартире плыли отрывистые звуки гаммы – это терзал инструмент худенький мальчик, один из учеников Аллы Николаевны, которому Басаргина давала уроки игры на фортепьяно. Услышав, как во входной двери загремели ключи, Алла Николаевна заглянула в гостиную и жестко проговорила:

– Спасибо, Алеша, достаточно! На сегодня все.

Словно только того и ждал, ученик тут же прервал игру, поспешно скользнул со стула на натертый до зеркального блеска паркет и торопливо устремился в коридор. Остановился перед высокой худощавой учительницей, строго взиравшей на него сквозь круглые стекла очков, натянул куртку, скинул большие, не по размеру, тапки, сунул ноги в резиновые сапоги и, кивнув входящим в прихожую, выскользнул за дверь.

– Алла Николаевна, у нас отличные новости! – загудел с порога Радий. – Представьте себе, я выбил для нас с Мишаней поездку на симпозиум в Лондон!

Не разуваясь, он прошел на кухню, окинул взглядом кастрюли и сковородки и, распахнув холодильник, крикнул:

– К черту борщи и котлеты! Алла Николаевна! Давайте праздновать! Я принес вино и пирожные. Вы тоже не жадничайте! Мечите на стол все, что есть в печи! Доставайте приправленные к майским праздникам венгерский сервелат и рижские шпроты! Будем пировать!

Оторвавшись от холодильника, Полонский сунул пакет с купленными на деньги друга яствами в руки растерявшейся Басаргиной, на аскетичном лице которой застыло недоверие, переходящее в затаенную радость. Миша был единственным сыном Аллы Николаевны. Он родился в позднем браке, когда женщина уже отчаялась выйти замуж и была уверена, что ее ждет печальная участь старой девы. С ранней юности изо дня в день Аллочка уходила на работу в музыкальную школу, которая стояла во дворе ее дома. В стенах заведения общалась с такими же, как и она сама, увлеченными искусством преподавательницами музыки и так же безрадостно возвращалась домой, уже не рассчитывая, как с ней бывало прежде, встретить у булочной прекрасного принца. Мать Аллы умерла, когда ей было тридцать восемь. Отец ненадолго пережил жену, оставив дочь совсем одну.

После похорон отца к сорокалетней Алле вдруг подошел в ресторане бывший однокашник покойного, седой и солидный Ефим Андреевич Басаргин, и, видя, как велико горе осиротевшей женщины, потерявшей последнего родного человека, предложил свою помощь. И Алла неожиданно для себя попросила подвезти ее из ресторана домой. Она никогда не отличалась красотой. Громоздкая, костистая, похожая на загнанную лошадь, Алла и предположить не могла, что может для кого-то представлять интерес как женщина. Пожилой же профессор психиатрии стал бывать в доме Аллы с цветами и шампанским чуть ли не каждый день, подтверждая серьезность своих намерений. Зимой они поженились, а в ноябре родился Миша.

Маленький пищащий комочек, развивающийся благодаря ее стараниям по всем правилам педагогической науки, занял все мысли и чаяния счастливой матери, и Алла Николаевна даже не заметила, что пожилой супруг с каждым днем становится все слабее. Умер профессор, когда Мишенька пошел в школу. Басаргина тут же уволилась с работы и осела дома, забываясь о благополучии сына. А чтобы сохранить материальное положение их небольшой семьи, женщина стала давать уроки музыки на дому. Однако всепоглощающая любовь к сыну сыграла с Басаргиной злую шутку. Под гнетом ее заботы и тотального контроля Миша рос подавленным и замкнутым. Общение со сверстниками превратилось для него в настоящую проблему,

усугубленную непривлекательной внешностью. В школе мальчика дразнили Крысой за несомненное сходство с этим грызуном, и Миша Басаргин так привык к этому прозвищу, что даже стал на него откликаться. Озабоченная подавленным состоянием ребенка, Алла Николаевна ходила в школу ругаться, но это только ухудшало и без того накаленную обстановку.

Но, несмотря на моральный прессинг одноклассников, Миша окончил школу с золотой медалью и без проблем поступил в престижный институт. Алла Николаевна с удовольствием и радостью замечала в сыне такие качества, как честолюбие и желание добиться успеха в выбранном деле, и верила в его необыкновенное будущее. Когда в их дом пришел Радий Полонский, женщина увидела в этом перст судьбы. Красивый, высокий, шумный, друг сына был полной противоположностью ее застенчивому мальчику. Но при этом так же, как и Миша, обладал светлой головой и честолюбивыми амбициями, помогающими Полонскому целеустремленно идти по избранному пути. Это давало надежду на то, что в компании пробивного Радия и невзрачному Мишеньке будет уделено должное внимание. Ради этого Алла Николаевна была готова поселить Радия у себя в доме, кормить, поить, обстирывать, создавать условия для его плодотворной учебы и работы. В общем, терпеть рядом с собой Полонского сколько угодно, даже несмотря на то, что он был ей более чем неприятен.

Англия, 1905 год

Оставшись в кабинете один, секретарь приблизился к окну и, опершись руками на подоконник, приник высоким, с залысинами, лбом к оконному стеклу. И тут же увидел ее. На залитой солнцем лужайке в плетеном кресле сидела миссис Дойль. Луиза. Да нет же, Туи! Его обожаемая, ненаглядная Туи. Сидела и с умилением взирала на то, как дети, их с Дойлем дети, играют в мяч. Это ради нее Альфред согласился стать секретарем у более удачливого соперника, забыв о своих тщеславных намерениях покорить литературный мир.

В жизни директора средней школы Альфреда Вуда все было предельно ясно до того момента, как в Саутси – тихом курортном местечке на юге Англии, с бассейнами, отелями и затейливыми садами, – появился молодой врач. Высокий круглолицый здоровяк с румянцем во всю щеку, похожий на жизнерадостного молодого сенбернара, доктор Дойль тут же вошел в светский круг городка посредством занятий спортом. С присущей ему энергией стал членом портсмутского клуба по боулингу, а также крикетного, где очень быстро сделался капитаном лучшей команды. Кроме того, этот неутомимый любитель спорта помог основать местный футбольный клуб, в котором был то вратарем, то защитником, однако играл под чужим именем, ибо футбол в викторианской Англии считался занятием не для джентльменов. Впрочем, насколько Альфред Вуд мог судить, это мало заботило нового жителя городка, ведь доктор Дойль руководствовался исключительно собственным мнением.

Далекий от спорта Альфред много слышал о докторе Дойле, но в первый раз увидел энергичного эскулапа на заседании Литературно-научного общества Портсмута. Собрания проходили раз в две недели по вторникам, и директор школы ревниво наблюдал, как новичок хвастается своими успехами в литературе. Доказательством его слов служил журнал «Корнхилл» с напечатанным рассказом «Сообщение Хебекука Джефсона», за который Дойлю заплатили целое состояние – двадцать девять гиней.

По прошествии многих лет, закрывая глаза, Альфред до сих пор слышал мягкий голос молодого доктора с легким шотландским акцентом, которым тот рассказывал совершенно невероятную историю:

– Вчера я был на балу, где имел несчастье напиться, осоловеть и после этого предлагать руку и сердце всем без исключения дамам – и замужним, и одиноким. А сегодня я, представьте себе, получил письмо от некой Руби, в котором та уверяет, что вчера мне ответила «нет», хотя имела в виду «да». И теперь мне только и остается, что теряться в догадках, кто она такая и как мне выйти из щекотливой ситуации, если Руби все же решится нанести визит.

В следующий раз, собрав вокруг себя слушателей, доктор Дойль вещал, четко выговаривая слова:

– Есть у меня одна пациентка, величавая престарелая дама, которая проводит дни, с высокомерным презрением надменно наблюдая за соседями. Пока, примерно раза два в месяц, не напивается и не впадает в неистовство. И тогда она бросает из окон тарелки, целясь проходим в головы. Вы не поверите, джентльмены, но я единственный, кто может ее утихомирить. Едва завидев меня входящим в калитку, леди тут же успокаивается и принимает благопристойный вид. В благодарность за помощь старуха настойчиво одаривает меня предметами из своей богатой коллекции китайского фарфора, и я покидаю ее дом, нагруженный, словно наполеоновский генерал после похода на Италию. Но как только наступает отрезвление, ко мне является посыльный с требованием вернуть дары. Вчера она была особенно невыносима, и я удержал у себя замечательный кувшин, несмотря на все ее протесты.

Рассказчиком он был изумительным. Как Альфред позже выяснил, составляя биографию писателя, этот дар перешел к Дойлю от матушки, много времени проводившей с сыном и рассказывающей ему о доблестных рыцарях и сражениях, в которых принимали участие эти самые рыцари. В Портсмутском научном обществе высоко ценили сочинительские способности нового члена, прекрасно отдавая себе отчет в том, что это всего лишь фантазии. Но, черт возьми этого Дойля, до чего же занимательные фантазии!

Однажды в середине марта в один из вторников Уильям Ройстон Пайк, близкий друг и партнер Артура по игре в кегли, явился на заседание один. Он объяснил отсутствие приятеля тем, что доктор Дойль вызван в качестве консультанта к тяжело больному юноше, недавно приехавшему в Саутси из Глостершира вместе с сестрой Луизой, братом Майклом и матерью миссис Хоукинс. Внутри у Альфреда все оборвалось – он понял, о ком идет речь.

Десятилетний шалун Майкл Хоукинс с начала этого года посещал среднюю школу в Саутси, и Альфред Вуд, будучи ее директором, часто виделся с мягкой, застенчивой сестрой проказливого мальчишки, стараясь как можно деликатнее обрисовывать мисс Хоукинс поведение ее брата. Альфред не хотел расстраивать девушку вовсе не потому, что от природы обладал добрым сердцем. Зеленоглазая Луиза, или Туи, как звали ее в семье, ему очень нравилась, и мистер Вуд только и ждал удобного момента, чтобы сделать ей предложение. Однако болезнь брата Туи и, самое главное, консультация доктора Дойля внесли в его намерения свои коррективы.

Врач диагностировал у пациента церебральный менингит и, понимая, что дни больного сочтены, все-таки взялся за ним ухаживать. Для этого он распорядился перенести Джона Хоукинса к себе, на «Виллу в кустарнике», которую арендовал для занятий врачебной практикой сразу же по приезде в город, и находился у постели юноши до последнего его вздоха. Разве могла сестра покойного остаться равнодушной к отзывчивому эскулапу? Тем более что после похорон великодушный доктор попросил разрешение у миссис Хоукинс видиться с ее дочерью, ибо убитая горем Луиза, вне всяких сомнений, как никто другой нуждалась в дружеском утешении.

Альфред Вуд с душевной болью наблюдал со стороны за стремительным развитием их романа, почти неприличного для неспешной Викторианской эпохи. Директор школы смотрел из окна своей спальни, выходящей на море, как Луиза сопровождает Артура на вечерних прогулках по набережной. Как завороженная, девушка внимала рассказам доктора, которых Вуд не слышал, зато имел возможность лицезреть оживленную жестикующую врача, сопровождающую эти рассказы. Альфред понимал, что на фоне доктора Дойля он лишь бледная тень, ибо тот был необычайно талантлив и везуч. За что бы Дойль ни брался, все у него великолепно получалось.

Обладая неумемной энергией, доктор за два месяца умудрился, параллельно ухаживая за Туи, принимая больных и внося правку в только что написанный роман «Торговый дом

Гердлстон», защитить диссертацию на тему «Вазомоторные изменения при сухотке спинного мозга и воздействие этого заболевания на симпатические связи нервной системы» и получить докторскую степень. Весной влюбленные поженились. А вскоре молодожены, оставив новорожденную дочь Мэри на попечение миссис Хоукинс, отправились в Вену, чтобы неугомонный доктор мог посвятить себя изучению офтальмологии.

Оставшись в одиночестве, Альфред Вуд считал до их возвращения дни. Но, вернувшись в Саутси, доктор Дойль на очередном заседании общества объявил, что переезжает в Лондон, чтобы открыть там частную практику и в более удобной обстановке продолжать занятия литературой. От неожиданности опешившийся Альфред прослезился и сказал такую прощальную речь, что польщенный Дойль предложил ему место своего секретаря. Вуд был готов работать кем угодно, хоть чистильщиком обуви в доме Туи, лишь бы быть рядом с ней, и поэтому, не раздумывая, тут же согласился.

И началась странная жизнь рядом с любимой. Ни словом, ни взглядом за все это время Альфред Вуд не обмолвился Луизе Дойль о своих чувствах. Он смотрел со стороны, как нежная Туи трепетно заботится о муже, и сам был счастлив их счастьем. Следом за Мэри родился Кингсли, и Конан Дойль, устав разрываться между медициной и литературой, целиком посвятил себя писательскому труду. А потом хрупкая Туи заболела, и муж с обычной своей энергией принялся ее лечить. Он возил жену на воды, потом в Швейцарию, чтобы целебный воздух Давоса оказал благотворное влияние на ее ослабленные легкие. Альфред был благодарен патрону за заботу о любимой, пока не появилась мисс Леки.

Джин Леки была богата и красива, ей было только двадцать с небольшим. Даже равнодушный к Луизе секретарь не мог не признать, что остроумная, начитанная девушка сильно выигрывает на фоне больной жены, которая была старше Артура на два года и по причине недуга отказывала супругу в интимной близости. Однажды Альфред услышал, как, беседуя с матерью и думая, что дверь в кабинет закрыта, Артур заметил, не подозревая, что посторонние слышат их разговор:

– Вы и представить себе не можете, матушка, как меня утомили тяжелые нагрузки последнего года. Моя душа все время вынуждена разрываться пополам. Я очень внимателен дома и уверен, что ни разу не проявил небрежения или равнодушия. Но положение сложное, не правда ли?

– Да, мой мальчик, я знаю, как тебе нелегко, – ответствовала почтенная дама, приехавшая погостить к сыну и ставшая наперсницей в его сердечных делах.

– Милая Джин, – нежно продолжал Артур, – образец здравого смысла и благоразумия в этом вопросе. Менее эгоистичного и более ласкового человека просто быть не может.

То же самое задыхнувшийся от возмущения Альфред мог бы сказать и о Туи. Неоднократно секретарь ловил устремленные на писателя взгляды несчастной Луизы, в которых сквозили любовь к мужу и тоска от невозможности сделать его счастливым. Дети тоже с обидой смотрели на все сильнее и сильнее отдалявшегося от них отца и мисс Леки, проводящую слишком много времени в их доме. И только один сэр Артур верил, что Туи ничего не знает о его большой тайне.

Со временем обида секретаря на патрона переросла в ненависть. Удачлив, талантлив, любим самой лучшей женщиной на свете, был удостоен дворянства, стал сэром и совершенно этого не ценит, а принимает все как должное! Дары судьбы, отпущенные мистеру Дойлю, были так щедры, что пренебрежение элементарными деталями в повествовании о Шерлоке Холмсе не могло не вызывать досаду у человека, так и не создавшего ни одного самостоятельного произведения. Сколько раз перед глазами бывшего директора средней школы вставали блестящие картины, словно созданные для приключенческого романа! Но стоило только Альфреду Вуду взяться за перо, как выстроенный в голове сюжет рассыпался в пыль.

Упершись лбом в стекло, секретарь стоял у окна и смотрел на лужайку до тех пор, пока из дверей особняка не показался твидовый пиджак писателя в мелкую клетку и его мягкое серое кепи. Не обращая внимания на застывших рядом с Туи детей, сэра Артур устремился к гаражу, где его поджидал автомобиль.

Секретарь очнулся от задумчивости и, скинув с себя оцепенение, шагнул к коробке, стоящей на столе, чтобы приступить к просмотру бумаг.

Дельфинья бухта, наши дни. Виктория

Сестра реанимационного отделения вышла на крыльцо больницы и тут же окунулась в сгущающиеся сумерки южной ночи. Вдали золотились вершины гор, подсвеченные восходящей луной, и виднелся кардиологический санаторий «Чайка». Именно сюда и торопилась Вика. Сегодня в каморке ее приятеля Ильи, подвизающегося в санатории художником, должен был состояться приватный спиритический сеанс, который устраивал магистр Мир.

С магистром девушка познакомилась неожиданно для себя. Конечно, она не раз смотрела по телевизору передачу «За гранью», которую вел этот усач в яркой одежде шоумена с экстравагантными ужимками. Увидев расклеенные по городку афиши, извещавшие о гастрольном туре телезвезды, Виктория заикнулась было Илье, что неплохо бы сходить на представление, но ее парень, узнав, сколько стоит билет, лишь смущенно улыбнулся и развел руками. Его зарплаты хватило бы, конечно, на пару билетов, зато потом пришлось бы голодать.

Два дня назад после дежурства девушка возвращалась из больницы и, проходя мимо помпезного здания пятизвездочного отеля, свернула в переулок, ибо перед входом в гостиницу бесновалась толпа поклонников магистра Мира, поэтому идти привычным путем через площадь было проблематично. Миновав черный ход отеля, Вика вдруг услышала хлопок двери, а затем торопливые шаги за спиной. Стараясь не бежать, чтобы не показаться трусихой, девушка прибавила ходу. Незвестный припустил за ней.

– Постойте! Подождите! – задыхаясь, проговорил преследователь. – Вы не можете так просто уйти...

И вот тогда Виктория побежала, отбросив опасения выглядеть глупо.

– Да остановитесь же, наконец! – гаркнул незнакомец, делая гигантский скачок и хватая Вику за плечо.

Девушка в ужасе обернулась и увидела бордовое от быстрого бега лицо шоумена. Магистр стоял перед ней, отдуваясь в усы.

– Вы... Должны... Меня... Выслушать, – с трудом переводя дух, проговорил он. – Вас ведь Виктория зовут?

– Виктория, – опешила девушка, недоверчиво рассматривая знакомые по телеэкрану карие глаза навывкате и длинные моржовые усы, делающие образ медиума узнаваемым.

– С вами желает выйти на связь дух высшего порядка, – сообщил шоумен. – Вы ведь узнали меня, не так ли? Если не узнали – представляюсь. Я магистр Мир, в этом местечке проездом. Сильный дух изъявляет желание связаться с вами и с вашей подружкой Катериной. Имя Лавр вам о чем-нибудь говорит?

Лавром звали брата Катерины, погибшего в автомобильной аварии. Вика собиралась за него замуж, и когда жених разбился, впала в депрессию. Вывел ее из этого состояния неунывающий художник Илья, с которым девушка познакомилась у Катерины в санатории. Катерина работала аниматором в «Чайке», находя это занятие необременительным и где-то даже приятным. Оно сулило новые знакомства, зачастую перерастающие в любовные отношения. Среди отдыхающих попадались весьма интересные экземпляры, с одним из которых в настоящее время у Кати как раз был роман.

Нынешний кавалер Катерины Иван Иванович выделялся среди других обитателей санатория, как алмаз среди гальки. Он был сед, шикарен и баснословно богат. Одаривал свою пас-

сию дорогими безделушками, водил в рестораны и даже хотел свозить в Париж, но Катя заупрямилась – кто ее отпустит с работы в середине сезона? О личной жизни Ивана Ивановича было известно немного. Кате он сказал, что в санатории поселился после развода с женой. «Врет, – категорично отрезала Катерина, сидя у Вики на кухне и потягивая презентованное ухажером сухое шабли. – Такие не женятся. Так всю жизнь от юбки к юбке и порхают». Судя по внешности, род занятий Ивана Ивановича можно было охарактеризовать двумя словами – творческая интеллигенция. Или даже одним словом – богема.

Однажды Виктория встретила седовласого красавца за сотню километров от санатория, в горном ресторанчике, где Викина родня справляла поминки по умершей тетке. Поклонник Катерины сидел за уединенным столиком с огненно-рыжей девицей и, держа ее руку в своей, смотрел такими глазами, что Вика поняла – Катерине ничего не светит. Как хорошая подруга, она рассказала о неожиданной встрече, но Катя лишь отмахнулась: «А, плевать! Я и без тебя знаю, что он – бабник».

– Лавр говорит, что с Катериной должен прийти Иван Иванович, – вдруг добавил магистр, неотступно следуя за перепуганной медсестрой. – Лавр хочет убедиться в серьезности его намерений. Так что пусть Иван Иванович тоже приходит.

– Куда приходит? – пискнула она.

– Да хоть бы в мастерскую вашего художника, – раздумчиво почесал подбородок медиум. – Там я и проведу спиритический сеанс.

– Вы правда видите духов? – робко улыбнулась Виктория, не зная, о чем еще говорить со столичной знаменитостью.

Тот кивнул.

– И Лавра видите?

– К несчастью, вижу. Надо заметить, ваш приятель очень настойчив и держится вызывающе. Лавр появился один. Обычно сторонних духов приводит мой дух-покровитель Барбара, но сегодня она не пришла. Зато прямо с утра объявился Лавр. И не оставляет меня ни на секунду, требуя приватного сеанса.

Пройдя по мосту через небольшую горную речушку, Вика замедлила шаг. Через сотню метров, сразу за поворотом, синел новыми ставнями ее дом, в который девушка совсем не собиралась вести незнакомого человека.

– Если хотите к нам зайти, то предупреждаю – у нас не убрано, – выпалила медсестра, покраснев до слез и не зная, как отделаться от навязчивого кавалера. – У нас ремонт.

Магистр не отреагировал. Но шел как привязанный за Викой. Парочка свернула за угол, и рядом с домом на скамеечке девушка увидела Илью и Катерину. Друзья грызли семечки и о чем-то оживленно беседовали.

– Я должен точно знать, не возражает ли Илья против сеанса, – угрюмо проговорил провозжатый. И вдруг взорвался: – Думаете, мне очень нравится за вами ташиться? Меня ваш Лавр не отпускает! Требуется, чтобы я утряс все вопросы с послезавтрашним сеансом, прежде чем он оставит меня в покое!

– Я послезавтра не могу! Я дежурю, – припомнив рабочий график, сообщила медсестра.

– Так договоритесь со сменщицей, черт вас дерит! – побагровел магистр. – Думаете, у меня нет других дел, как только устраивать бесплатные сеансы для вас и ваших друзей?!

Заметив Викторию в компании звезды, Илья поднялся с лавочки и напряженно вглядывался в неспешно приближающиеся фигуры.

– Добрый вечер, – первым нарушил молчание магистр.

– Добрый, – угрюмо откликнулся Илья.

Катерина поднялась с места и сделала шаг по направлению к медсестре.

– Вик, где ты ходишь? – с упреком обронила она, не спуская глаз со спутника подруги. – Мы полчаса тебя с Илюшкой ждем. В кино же собирались. Иван Иванович места в партере держит.

– Познакомьтесь, это магистр Мир. Из Москвы. Он говорит, что Лавр просит провести спиритический сеанс.

– Кто? – недоверчиво переспросила Катя. – Лавр? Прямо вот так вот просит?

– Да, друзья мои, просит, – вмешался гастролер. – И очень настойчиво. Ваш родственник и друг хочет передать вам что-то важное. Послезавтра в одиннадцать вечера я хотел бы встретиться с вами. Если это возможно, в мастерской Ильи.

– А почему в моей мастерской? – вскинулся художник.

– Так хочет Лавр, – магистр многозначительно посмотрел на надувшегося парня и, развернувшись, двинулся назад, в гостиницу.

– Да ладно тебе, Илюш. – Вика принялась теребить друга. – Ты что? К Лавру ревнуешь? Он же мертвый!

– Да не к Лавру, а к этому деятелю, – кивнул художник на удаляющуюся спину магистра. – Думаешь, я не понимаю, с чего это вдруг он затеял какой-то сеанс?

– Он же сказал – Лавр попросил! – проговорила Катерина.

– Знаю я эти штучки! Увидел на улице хорошенькую девочку, решил познакомиться. Но просто так подойти он не может. Как же, мировая знаменитость! Навел о тебе, Вик, справки, узнал про Лавра, и вот тебе, пожалуйста, – маг и волшебник! Вот увидишь, – дернул он щекой, – после сеанса Лавр заявит, что желает проводить тебя домой, а магистр в качестве посредника вашего общения потащится вместе с ним.

Глядя на разошедшегося Илью, Вика не успокаивала друга. Она молчала и лишь загадочно улыбалась, польщенная вниманием мужчин к своей персоне.

Англия, 1905 год

Подняв крышку коробки, секретарь оглядел многочисленные записные книжки, путевые дневники и тетради с заметками, от начала до конца исписанные твердым ровным почерком сэра Артура. Это был другой Конан Дойль, совсем не тот, что уехал на новеньком авто от больной жены на свидание с мисс Леки. Этот Артур, которого мысленно видел перед собой Альфред Вуд, был лучше, чище и, конечно же, моложе на половину жизни. Он был героем его ненаписанного романа.

Вынув верхнюю тетрадь в сафьяновом переплете, секретарь раскрыл ее на первой странице и, углубившись в чтение, сразу же увидел порт Ливерпуля. Там было людно. На особом, только им понятном сленге перекрикивались докеры, среди тележек с багажом сновали пассажиры, благословляемые провожающими. Морский бриз трепал паруса стоящих на рейде кораблей, собирающихся в самое ближайшее время отчалить в разные концы света. На палубе грузопассажирского лайнера «Маюмба» можно было рассмотреть рослого, шести футов и двух дюймов, типичного викторианского джентльмена с прямой осанкой, волнистыми волосами цвета соломы, зачесанными на левую сторону и приглаженными маслом. Его широкое серьезное лицо, главным украшением которого являлись роскошные, изящно подкрученные при помощи воска пшеничные усы, казалось бесстрастным. Было трудно заподозрить в юноше мечтателя, хотя в душе молодого человека все так и пело от близости приключений.

– Держитесь крепче, док! – уважительно заметил проходивший мимо помощник капитана Том Вильсон. – Отчаливаем!

– Спасибо, Том, не премину воспользоваться советом, – новоиспеченный бакалавр медицины прямо смотрел моряку в глаза. В голосе его звучала радость.

Все правильно, док – это он, Артур Конан Дойль. Судовой врач, получивший место на «Маюмбе» сразу же после окончания университета. Хотя родственники настоятельно

требовали, чтобы Артур избрал для себя другое поприще. Родственники солидные и преуспевающие. Не каждому посчастливится иметь такую именитую родню. Взять хотя бы двоюродного деда, Майкла Конана, журналиста и литературного критика, доводившегося Артуру крестным. Мистер Конан так много сделал для духовного развития будущего писателя, что, преисполненный благодарности, Артур взял его фамилию в качестве второй, став не просто Артуром Дойлем, а Артуром Конан Дойлем. Но дядя Майкл как раз отнесся спокойно к решению юноши отправиться в свободное плавание. А вот другие...

Отцовские братья, в свое время финансировавшие образование племянника, были вне себя от возмущения, узнав, что Артур отправляется к берегам Западной Африки. Благополучные и успешные, много лет они самоотверженно помогали семье брата Чарльза, и что получили в ответ? Архитектор по образованию, Чарльз осел в Эдинбурге и о карьере не помышлял, довольствуясь малым. Он был счастлив своим творчеством, рисуя на веранде, превращенной в мастерскую, прелестные акварели. Все сыновья в семье прославленного карикатуриста Джона Дойля стали художниками, но только Чарльз был так беспомощен.

Отец Артура ни разу не посмел обратиться к знакомым с предложением купить что-нибудь из своих работ, ибо считал, что нанесет тем самым немислимое оскорбление. Ему было легче раздарить рисунки, чем просить за них деньги. Да и гонорары за уже увидевшие свет иллюстрации художник частенько не мог получить, ведь издатели отлично видели, с кем имеют дело, и предпочитали не платить, понимая, что деликатный Дойль не напомнит им о долге. Пропасть нищеты все явственнее разверзалась под ногами растущей семьи. И тогда Мэри Дойль, гордившаяся своими рыцарскими корнями так же, как и отдаленным родством с Вальтером Скоттом, и отлично знавшая все ответвления своего геральдического дерева, спрятав за приветливой улыбкой снедавшую ее гордость, позволила родне мужа взять на себя заботы об образовании сына.

В иезуитском колледже Стотинхерсте – обители под сдвоенными башенками, возвышавшимися над равниной, удаленной от городов и железнодорожных станций, – отцы-иезуиты поддерживали среди воспитанников железную дисциплину. Живой характер будущего писателя требовал активной деятельности, о которой здесь приходилось только мечтать, находя утешение в спорте. Большие всего непоседливого юношу удручала сухость преподаваемого материала, приводившая молодого Дойля в беишенство. Даже история, которую он так любил, оборачивалась тупой зубрежкой. Это была вовсе не та история, которая представляла перед маленьким Артуром в романах Вальтера Скотта, и в которую посвящала его мать.

Приезжая на каникулы, юноша неизменно заставлял деятельную матушку, поглощенную заботами о доме и детях, и отрешенного, погруженного в искусство отца. Если бы в один из дней Чарльз Дойль поинтересовался, что происходит в его доме, то для него, вероятно, стало бы открытием, что сын его заканчивает Эдинбургский университет и скоро станет доктором. Проводя много времени за учебниками, Артур, однако, не забывал и о спорте. И о литературе. «Золотой жук» Эдгара Аллана По поразил его в самое сердце, и в глубине души самоуверенный юноша мечтал создать что-то подобное.

Именно в университете Артур Дойль и стал убежденным безбожником. По-другому и быть не могло. Среди буйных студентов, кичащихся взрослым цинизмом и боготворящих умницу и циника профессора Хаксли, витал дух насмешки над традиционной теологией. Да и вся Британия девятнадцатого столетия была насквозь пропитана агностицизмом. Артур вдыхал воздух безбожия в проспиртованных анатомичках, где человеческое тело едва ли наводило на мысль об обители Святого Духа. Попыхивая своей первой трубкой – трубкой с янтарным мундштуком, купленной в Стотинхерсте, студент Дойль оглядывался на прошлое, и многое из того, что внушалось отцами-иезуитами, казалось теперь смехотворным. Но настойчивые Дойли, считавшие себя вправе лезть в его жизнь, снова и снова заводили речь о будущности Артура как католического врача. И юноша решил объясниться.

В назначенное время он вошел в родовое гнездо и в высоких суровых мужчинах с густыми шевелюрами, поджатými губами и холодно рассматривающими его глазами с трудом смог узнать дядю Дика и дядю Джеймса своих детских лет. И это его задело. Почему он, Артур Конан Дойль, должен оправдываться в том, что считает единственно правильным? Стараясь избежать виноватого тона, вчерашний студент проговорил:

– Если я стану практиковать как католический врач, то получится, что я беру деньги за то, во что не верю. Вы первые сочли бы меня негодяем.

Дядюшка Дик не мог не заметить племяннику:

– Но, друг мой, мы говорим о Католической церкви.

– Да. Я знаю, – невозмутимо откликнулся Артур.

– А это совершенно иное дело.

– Почему же, дядя Дик?

– Потому что наша вера истинна.

Альфред не сомневался, что холодная убежденность этого утверждения не могла не привести Артура в ярость, которую он с трудом сдержал. Зато следующее замечание прорвало плотину негодования юноши.

– Если бы только ты имел веру... – протянул дядя Дик.

– Как можно говорить о принятии веры так, как будто это достигается простым усилием воли? – вскричал Артур. – С тем же успехом можно требовать, чтобы я вдруг превратился из шатена в брюнета! Разум – наш величайший дар, и мы обязаны к нему обращаться!

– И что же подсказывает тебе твой разум? – раздался насмешливый голос из кресла, в котором сидел дядюшка Джеймс.

– Что пророки религии, дюжины религиозных сект, истребляющих друг друга, – все это происходит от слепого принятия недоказуемого. Ваше христианство содержит много прекрасного и благородного вперемежку с суицим вздором.

Задетый за живое, он наговорил много лишнего. Слишком много. В этот момент молодой человек не испытывал ничего, кроме раздражения и досады. И ощутил даже некоторую радость, перехватив недоумевающие взгляды заносчивых родственников. Юноша специально замолчал на полуслове, предоставив дядьям самим выходить из сложной ситуации, в которую они его загнали. Если эти люди отказываются понимать, что самостоятельная личность вправе поступать по совести, он не может им ничем помочь. Ему ничего от них не надо. При всех замечательных художественных дарованиях его родственники – просто дураки. Кто-то приказал подать чай, после которого двери дома Дойлей закрылись за Артуром навсегда.

И вот теперь Артур Конан Дойль стоит на борту готового выйти в море парохода «Маямба», чтобы, руководствуясь собственными предпочтениями, отправиться к западному побережью Африки, навстречу приключениям, достойным пера Жюль Верна. Навстречу новой жизни. Жизни судового врача, посредством которой юный Дойль скопил достаточно средств, чтобы открыть собственную практику и жениться на Туи.

Дельфинья бухта. Наши дни. Лиза

Я тихо, точно мышка, лежала в ожидании, когда соглядатай отправится смотреть свое острое политическое ток-шоу. Но стерегущий меня полицейский и не думал торопиться. Оплывшая на стуле туша мирно посапывала в сгущающихся сумерках больничной палаты, и мне уже начало казаться, что он так и просидит до самого утра.

Я почти физически ощущала, как время словно вода просачивается сквозь пальцы. Как с каждой минутой заточения нервы Гоши натягиваются, будто готовые вот-вот лопнуть тоненькие ниточки, и мой хрупкий мальчик все ближе и ближе подходит к грани безумия, за которой – темнота. Я уже совсем было собралась тихонько встать с постели, прокрасться

мимо полицейского и незаметно выбраться из больницы. Но вдруг голова мужчины дернулась, он встрепенулся, тряхнув щеками и, вскинув запястье к самому лицу, посмотрел на часы.

– Фу ты, мать моя женщина! Уже началось! – пробормотал толстяк, поспешно поднимаясь со стула и резвой рысцой направляясь к выходу из палаты.

Едва за ним захлопнулась створка двери, я с облегчением вздохнула и нетерпеливо встала с кровати. По-хорошему надо было забрать свои вещи из гардеробной – вдруг и Гошкина книга там? Но я придирчиво оглядела пижаму, напоминающую трикотажный костюм для занятий спортом, и, решив, что в потемках все равно никто не разберет, что на мне надето, выскользнула в коридор прямо так. На секунду замешкалась в дверях. Передо мной темнел шов линолеума, и я старательно его перешагнула.

Никогда не наступайте на линолеумные швы. Это сулит несчастье. Избегайте вставать на щели паркета. Они таят в себе опасность. Трещины в асфальте тоже несут беду. Я всегда через них перешагиваю, никогда не наступаю, иначе случится страшное. Что именно – я не знаю, но при одной только мысли о том, что я нарушу раз и навсегда установленное правило, неотвратимость беды накрывает меня с головой. Я и торговку сбילה лишь потому, что вдруг увидела под колесом мотоцикла широкую трещину в асфальте, и чтобы не наехать на нее, резко вывернула руль в забор.

Перешагивая через стыки линолеума, я миновала ряд палат, свет в которых был уже потушен, и на цыпочках приблизилась к холлу, откуда доносилась громкая ругань сразу нескольких голосов.

– Можно подумать, что Россия не воюет в Украине! – визгливо кричал с экрана телевизора маленький мужичок с большой головой.

Пузатый полицейский устроился в кресле, всем телом подавшись вперед и целиком погружившись в сумасшедший дом, творящийся на экране.

– Господин Карасев, сбавьте тон! – осаждал большеголового карлика гриб-боровик во френче не то военного образца, не то японского покроя.

– Вы, господин ведущий, выражаете субъективную точку зрения, – брызгал слюной Карасев. – Но я вас не осуждаю. Как кремлевский выкормыш, именно так вы и должны говорить! Я один непредвзято смотрю на вещи!

Ведущий взвился как ужаленный.

– Давайте без оскорблений, а то я озвучу, чьим выкормышем являетесь вы, господин Карасев! Вы и ваши сторонники!

Под крики и ругань, тщательно следя за стыками линолеума, я тенью проскользнула вдоль стены, шмыгнула на лестницу и, стараясь не хлопать шлепанцами по пяткам, быстро сбежала на первый этаж. Дневная жара уступила место ночной прохладе, и, пользуясь великодушием природы, все двери больницы были распахнуты настежь, позволяя ночному ветерку выгонять из темных углов приемного покоя застоявшийся полуденный зной. Стараясь держаться в тени, я миновала отделанный мраморными плитами холл и вышла в больничный парк. Идти нужно так, чтобы, по возможности, не попадаться на глаза прохожим. Особенно нарядам полиции, частенько курсирующим на служебных автомобилях вдоль моря. Ведь я как-никак нахожусь под следствием, и простая формальность – проверка документов – может спутать все мои планы. Пробравшись по темной аллее к воротам, я пролезла сквозь погнутые прутья ограды и устремилась по шоссе к дому отца.

Дорога вилась по горному серпантину. С одной стороны корабельные сосны стеной уходили ввысь до самых облаков, с другого края дороги темнел обрыв. Внизу расстилалось бескрайнее море, обрамленное отвесными скалами. В скалах зиял грот. И у грота светился маяк. Тот самый маяк, у которого живет Толик, и куда я как можно скорее должна принести полтора миллиона рублей. Красота этого места завораживала, и я на секунду сбавила шаг, залюбовав-

шись окрестностями. Я часто гуляю в горах. Могу часами бродить по крутым тропкам, смотреть на море и радоваться практически полному одиночеству.

Мне очень повезло, что отдыхающие санаториев – народ ленивый, и дальше набережной и пляжа их путь простирается крайне редко. А я забираюсь в такие отдаленные уголки Дельфиньей бухты, что время от времени думаю, уж не заблудилась ли. Но у меня всегда получается благополучно отыскать дорогу обратно к морю, а там-то уж, по берегу, я легко добираюсь домой. Гошенька обычно едет у меня на плечах, крепко обхватив шею ручонками. Мысль о Гоше вернула меня к действительности, и я торопливо зашагала по серпантину дальше. Можно, конечно, заявить в полицию и забрать сына без всяких денег. Вполне допускаю, что многие матери именно так бы и поступили. Но я так делать не стану. Я возьму у отца деньги и отдам Толику. А остальное меня не волнует.

Пусть я слабая, пусть глупая, но я такая, какая есть. Мне страшно подумать, что скажет муж, когда приедет из Москвы и узнает о пропаже Гоши. А также о том, что его забрал человек, с которым я сплю. Не то чтобы я очень люблю мужа. Просто он один из немногих, кто хорошо ко мне относится, и я не имею права обмануть его доверие. Поэтому пусть сын просто вернется домой, а деньги – деньги не главное. Нужно только добраться до папы. Отец мне обязательно поможет. Как помогал всегда.

Серпантин перешел в широкую прямую дорогу, впереди показались арка и колонны, на которых, подсвеченные фонарями, чернели ажурным узором кованые ворота. От ворот уходила вдаль аллея. В конце аллеи белели корпуса санатория «Чайка», и я вдруг подумала, что в этот самый момент молоденькая девочка Вика – медсестра из больницы, откуда я только что сбежала, – вызывает духов. Забавно, какими глупостями могут заниматься люди, когда у них нет проблем.

Почти сбиваясь на бег, я торопливо миновала освещенную проходную санатория и, снова попав в темноту, устремилась к подсвеченной фонарями крыше папиного дома, раскинувшегося по соседству с санаторием. Я уже подходила к отцовской калитке, но движение за спиной заставило меня боязливо обернуться. Размашистой походкой свободного от неприятностей человека за мной шел парнишка лет семнадцати. Широкие шорты, алая футболка и сдвинутая на затылок тирольская шляпа, из-под которой лихо выбивались непокорные светлые вихры. Несмотря на молодость, у него имелась борода, и я даже помотала головой, чтобы отогнать наваждение.

У меня никогда не было друзей. Зато с самого раннего детства была книга Саша Черного «Скрут». Та самая, которую теперь так любит мой сынок. А в далекие годы моего детства Скрута обожала я.

- Кто живет под потолком?
- Гном.
- У него есть борода?
- Да.
- А манишка и жилет?
- Нет...
- Как встает он по утрам?
- Сам.
- Кто с ним утром кофе пьет?
- Кот.
- И давно он там живет?
- Год.
- Кто с ним бегаёт вдоль крыш?
- Мышь.
- Ну а как его зовут?

- Скрут.
- Он капризничает, да?
- Ни-ког-да!

Я повсюду таскала с собой старенькую, отпечатанную на трех картонных страничках книжечку – с одной стороны по-русски, с другой – по-английски, то и дело открывая единственную иллюстрацию и любуясь на озорного мальчишку-гнома, покачивающегося, точно в гамаке, на листке ландыша. Его румяное, с рыжей бородкой молодое лицо стало мне родным, а тирольская шляпа с кукушкиным пером, алая рубашка и короткие штаны вызывали бесконечную зависть и желание иметь такие же. Я была уверена, что, как только повзрослею, сразу же стану курить трубку, ведь у Скрута в зубах была зажата великолепная изогнутая трубка в форме львиной головы. Гном был единственным, с кем я разговаривала и кто охотно выслушивал мои откровения. Он был со мной всю мою жизнь. Я до сих пор вспоминаю о нем, когда мне страшно. Когда плохо. Когда хочется кричать и плакать от безысходности. Кто живет под потолком? Гном! У него есть борода? Да... Теперь Гошка, так же как и я, не может без гнома ни заснуть, ни проснуться.

И вот следом за мной шел Скрут. Шел и улыбался. За спиной его чернел обвисшей тряпочкой тощий рюкзак. Увидев, что его заметили, парень махнул мне рукой и прокричал именно таким голосом, какой должен быть у Скрута:

- Мадемуазель! Не подскажите, где тут дом профессора Зорина?

Профессор Зорин преподает в Петербургском университете и в летний период обитает сразу же за домом папы в настоящей глинобитной татарской мазанке, о чем я и сообщила гному.

– Вот спасибо, мадемуазель. – Скрут серьезно кивнул, рассматривая крышу мазанки, на которую указывала моя рука. – Сам бы я ни за что не нашел...

Поравнявшись со мной, застывшей в нерешительности у отцовской калитки, он еще раз произнес слова благодарности, и мне вдруг показалось, что я не должна так вот просто уйти. От румяного лица Скрута исходила невероятная сила, притягивая меня к себе. Это же он, мой единственный друг! И я вот так просто возьму и пройду мимо? Чтобы поддержать беседу, мне всего-навсего и нужно-то было сказать что-нибудь ободряющее. Но я, смутившись, пробормотала, что благодарить меня не за что. И постучала в ворота. Мне не открыли, и я постучала громче, стремясь, как можно скорее оказаться вне поля зрения собеседника.

– Кого там черти носят? – выкрикнул из-за забора вечно пьяный охранник Сережа. К этому часу он обычно уже лыка не вяжет. А сегодня, как ни странно, еще держался на ногах.

- Сереж, откройте, – попросила я.

- Лизка, ты, что ли?

- Я! Открывайте!

Створка ворот отъехала в сторону, и Сережа с недоумением уставился на меня.

- Ну и видок у тебя, девка! – пробурчал он. – В гроб краше кладут.

Должно быть, это он про пижаму. Я прошмыгнула в образовавшуюся между створками ворот щель и, перепрыгивая с плитки на плитку, устремилась по вымощенной дорожке к дому родителей, стараясь не наступать на стыки и торопясь как можно скорее решить проблему маленького Гоши.

Англия, 1905 год. Золотой Берег, 1881 год

И снова записи в дневниках юного Дойля подхватили секретаря и увлекли в мир фантазий. Побелевшая от времени палуба «Маямбы», много лет доставлявшая пассажиров и грузы к берегам Западной Африки, постепенно заполнялась народом. Мимо молодого доктора, звонко смеясь, прошла хорошенькая мисс с озорными глазами, совсем еще девочка. Ее сопровождала пожилая дама с таким кротким выражением овечьего лица, что предста-

вить ее чем-либо недовольной было невозможно. Артур подумал, что было бы интересно познакомиться с этими леди поближе. Провожая глазами заинтересовавших его дам, юноша отвернулся от трапа, но тут же получил чувствительный удар в спину.

Гневно обернувшись с намерением задать невеже взбучку, судовой врач лицом к лицу столкнулся с лоснящимся от пота рыхлым господином преклонных лет, шедшим в компании вульгарно раскрашенных девиц, одетых ярко и вызывающе. Женщины полусвета толпой окружили старика, неспешно двигаясь рядом, то и дело целуя кавалера в дряблые щеки и называя его «котиком». Плотный клубок из тел шествовал по палубе, задевая всех, кто встречался им на пути. Судовой врач шагнул к обидчику, собираясь разъяснить ему правила хорошего тона, принятые в приличном обществе, но чья-то твердая рука опустилась юноше на плечо.

– Даже не думайте, приятель, – тихо проговорил тот, кто сдерживал Артура. – Это постоянный клиент Африканской паровой компании Стив Льюис. Стоит ему выразить малейшее недовольство, и вас, док, в тот же миг выкинут с «Маюмбы».

– Что, мистер Вильсон, все так серьезно? – удивился Дойль, узнав в говорившем помощника капитана.

– Когда плыли сюда, – еще сильнее понизил голос молодой моряк, – все трюмы были заполнены товаром мистера Льюиса. Думаю, он неплохо продал пальмовое масло, кокосы и слоновую кость, если купил всех портовых шлюх разом.

– Боюсь, Том, вы правы, – хмуро проговорил судовой врач, отворачиваясь от веселой компании. – Надеюсь, мистер Льюис не собирается взять всех девиц с собой? Мне бы не хотелось путешествовать в подобном обществе.

Замечание было сделано шутливым тоном, однако моряк этого не заметил. Серьезно взглянув на Артура темными глазами под набрякшими веками, помощник капитана проговорил:

– Нет, док, шлюхи останутся на берегу. Они каждый раз поднимаются на борт и провозжают нашего торговца до каюты, и по их количеству команда корабля судит об успешности торговли мистера Льюиса.

Артур исподлобья смотрел, как купец, рассыпаясь в комплиментах своим подругам, хозяйским шагом приближается к каютам первого класса. С досадой отвернувшись, судовой врач устремился к своей каюте, такой маленькой, что в ней с трудом могли разместиться койка и бельевого сундук, служивший начинающему писателю рабочим столом. Там, разложив тетради, он достал перо и под мерное покачивание отчалившего судна принялся делать первые путевые заметки, послужившие секретарю отправной точкой для начала главы о путешествии к берегам Западной Африки.

Доктору Дойлю мерещились экзотические порты, девственные джунгли, могучие реки и горы с заснеженными вершинами. Но действительность оказалась куда менее романтической. Через несколько дней «Маюмба» попала в шторм в Бискайском заливе. Палубу заливало, и судовой врач по щиколотку в воде метался от каюты к каюте, раздавая пассажирам порошки и пилюли от морской болезни. Больше всех страдала от качки миссис Абилай Эверсон, пожилая тетушка той самой хорошенькой девушки с озорными глазами, которая в день отплытия привлекла внимание судового врача. Племянницу звали Элизабет Эверсон, и она не отходила от постели родственницы все те несколько дней, что та хворала. За это время Артур, оказывающий врачебную помощь тете, многое узнал о путешественницах.

Мисс Бетти в этом году окончила колледж и теперь направлялась в сопровождении вдовы брата отца, добрейшей леди Абилай, к родителям в Либерию, колонию, основанную Американским колонизационным обществом в начале прошлого века. Отец мисс Эверсон недавно был назначен консулом в столичном порту Монровии, и Артур с сожалением думал о том печальном моменте, когда две милые дамы сойдут на берег и «Маюмба» продолжит плавание без них. А пока Артур всю наслаждался обществом своих новых приятельниц.

Резвущику Бетти забавляло буквально все – немногословные моряки, застенчивые юнги, суровый капитан и его благородный помощник. Девушку веселило перекошенное гримасой страдания лицо тетушки, а также молодой доктор, учтиво заглядывающий к ним в каюту каждые полчаса и справляющийся, не нужно ли чего. При очередном появлении Артура мисс Бетти прыскала в кружевной платок и, сверкая глазами, заливалась безудержным смехом. Молодость и живость характера били из нее ключом, и так же, как и деятельный по натуре доктор Дойль, девушка во время плавания томилась от вынужденного безделья.

Артур особо не удивился, когда как-то раз, вернувшись к себе в каюту, откинул одеяло и увидел ком из связанных в узел простыней. На языке школяров это называлось «сыграть в яблочный пирог», и доктор, сам неоднократно проделывавший в иезуитском колледже подобную шутку, не сомневался, чьих рук это дело. Он не остался в долгу, и на следующий день, убедившись, что тетушке стало легче и леди Абигайль отправилась прогуляться на палубу, подложил в кровать мисс Бетти летающую рыбу, которых время от времени выкидывало на палубу волной.

Мисс Эверсон примчалась к пожилой родственнице, обосновавшейся под тентом в кресле-качалке, и потребовала встать и пойти с ней в каюту, чтобы выбросить из кровати «эту гадость», но тетушка лишь слабо отмахнулась. Поправившись, женщина постоянно сидела на палубе, работая спицами, покачиваясь в качалке и созерцая волны. Все то время, что не проводила в кают-компании за трапезой, она безостановочно что-то вязала. Артуру казалось, что леди Абигайль день за днем вяжет один и тот же бесконечный чулок. На самом же деле одни чулки в ее корзинке для рукоделия время от времени сменялись другими, ибо англичанка во время остановок одаривала ими несчастных африканских детей.

Забавную неразбериху в неспешное плавание «Маюмбы» вносили местные торговцы. Однажды якорь подняли до того, как продавцы экзотических диковин, предпочитающие бартерные сделки, успели покинуть корабль. Аборигенам пришлось прыгать в воду к своим лодкам вместе с трофеями. Один чернокожий коммерсант нырнул с зонтиком, другой совершил заплыв с цилиндром, а третий и вовсе предпринял попытку добраться до своего суденышка с рождественской открыткой, выменянной у матроса на бивень слона. В тот раз все обошлось благополучно, но капитан запретил чернокожим любителям натурального обмена взбираться на борт, рекомендуя членам команды совершать коммерческие сделки непосредственно на берегу.

Когда вдали показался очередной африканский городок, где «Маюмба» должна была сделать остановку для пополнения запаса пресной воды, леди Абигайль покинула кресло-качалку и заторопилась в каюту, чтобы успеть собрать заготовленные для аборигенов подарки до того, как судно пристанет к берегу.

– Известно ли вам, доктор, что в этом местечке самые дешевые рабы? – нахмурился помощник капитана, сидя в шезлонге рядом с судовым врачом. – Не нравится мне все это.

– Что именно не нравится? – глядя на приближающийся берег сквозь дым курительной трубки, осведомился Артур.

– Эти парни, – Том Вильсон кивнул на крохотные фигурки туземцев, по мере движения судна с каждой секундой становившиеся все крупнее и отчетливее. – Они жили здесь с незапамятных времен, пока мы не пришли к ним с Библией в одной руке и ружьем и виски в другой и не заставили работать на нас.

– Вы не правы, друг мой, и рассуждаете так, будто вы не сын своей страны, – оборвал собеседника патриотически настроенный врач. – Мы несем аборигенам свет цивилизации. Миссис Эверсон – ярчайший тому пример. Вы же сами видели, как эта добрая женщина во время предыдущих остановок наведывалась в покосившиеся хижины и наводила там порядок! Как штопала прорехи в дырявых рубашонках детей! Как промывала их облепленные мухами глаза! Без сомнения, эта леди символизирует старушку Англию, мечтающую о счаст-

ливить сырых и убогих. Но что же делать, если убогие не осознают своей ущербности? Должен вам сказать, что как только леди Абигайль скрывалась из вида, жители хижины тут же восстанавливали привычный бедлам. Дранные рубашонки расползались еще больше, и мухи снова прилетали на глаза не приспособленных к гигиене детей. И все-таки миссис Эверсон делает благое дело. Нельзя оставлять дикарей в их дремучем невежестве.

– Мистер Дойль! – раздался звонкий голосок Бетти.

Доктор прервал беседу и обернулся на зов девушки.

– Мистер Дойль! – щебетала резвушка. – Как интересно то, что вы рассказываете! Я собираюсь прогуляться вон к тем пальмам и посмотреть, как живут аборигены! Вы составите мне компанию?

Пухлая девичья рука описала эффектную дугу и указала на появившиеся на горизонте пушистые кроны пальм изумрудного цвета, выделяющиеся на желтом песке.

– Что скажет ваша тетюшка? – с деланой строгостью нахмурил светлые брови молодой доктор.

– Тетя будет пашенькой! Не сомневаюсь, вместе с вами она отпустит меня хоть на край света!

– Даже не мечтайте об этом, Бетти! – категорично отрезала пожилая дама, показываясь на палубе с приличным по размеру свертком подарков. – Вы, как и прежде, будете дожидаться меня на корабле!

– Ну, тетечка! – захныкала племянница. – Ну, пожалуйста! Разрешите сойти на берег! Это последняя остановка перед тем, как мы прибудем к родителям!

– Ваш отец, мисс, будет крайне недоволен! – поджала губы тетюшка.

– А мы ему ничего не скажем, – заговорищицки прошептала Бетти, молитвенно складывая на груди пухлые ладошки и делая кроткие глаза. – Я буду очень осторожна! Клянусь, папа ничего не узнает! Я так хочу итпать деткам рубашки и протирать глаза!

– Ох, мисс Элизабет, что с вами делать! Ладно уж, идите, – дала слабинку старушка, сраженная добротой племянницы. – Но только если мистер Дойль приглядит за вами.

Москва, 199... год

Поездка в Англию была намечена на май. Друзья сложили вещи в спортивные сумки задолго до назначенного дня. Весть о том, что с Полонским на симпозиум едет Басаргин, разнеслась по «почтовому ящику» за считанные часы, и теперь в курилке открыто обсуждали возмутительное поведение прихлебателя. Казалось, Радий не замечает неприятных для друга разговоров, продолжая с завидным постоянством посещать задымленную комнатку на первом этаже, где им с Басаргиным, нисколько не смущаясь присутствием обсуждаемых, коллеги перемывали кости.

Накануне вылета Радию не спалось. Он долго ворочался на широком кожаном диване, обводя взглядом кабинет, уже ставший его домом. Вдоль стен высились полки с книгами, преимущественно медицинские, по психиатрии, но попадались среди них и прекрасные художественные издания. При свете ночника окинув рассеянным взглядом покрытые позолотой корешки, юноша остановился на полном собрании сочинений Конан Дойля, решив, что раз уж он едет в Англию, то более английского писателя, чем сэр Артур, трудно себе представить.

В памяти всплыли рассказы в курилке о телесериале с участием Василия Ливанова и Виталия Соломина, по отзывам дивно передающем атмосферу викторианской Англии, и молодому человеку захотелось ознакомиться с первоисточником. Сам он сериала не смотрел, ибо считал подобное занятие пустой тратой времени. Выбравшись из-под одеяла, Радий прошлепал босыми ногами в угол комнаты и взял с полки облюбованную книгу. Опустился на стул, раскрыл томик на первой странице и, облокотившись локтями на покрытый зеленым сукном

письменный стол, с головой погрузился в чтение. Очнулся он только тогда, когда захлопала дверями поднявшаяся Алла Николаевна.

Человек науки, Радий никогда не читал детективов. Да что там детективов! Он не читал художественной литературы вообще. В доме родителей, по образованию химиков, имелись лишь узкоспециальные издания. Мать и отец полагали, что дети пойдут по их стопам, и настойчиво подсовывали Радию и Селене труды светил химической науки. Но разносторонняя натура Радия не удовлетворилась лишь химией, интересуясь всем, что молодой человек видел вокруг себя.

И теперь, погруженный в полный таинственных загадок мир Шерлока Холмса и доктора Ватсона, юноша буквально был ошеломлен. Автор поразил Полонского остротой ума и логикой повествования, сделав его за одну-единственную ночь своим верным поклонником. Заложив «Собаку Баскервилей» конфетным фантиком примерно на середине, Радий сунул томик в сумку, рассчитывая в самолете узнать, чем же закончится повесть. Умывшись и позавтракав, друзья подхватили багаж и спустились вниз, в солнечное майское утро, пахнущее сиренью и радостью путешествия.

В самолете Радий проглотил остаток книги, заедая интересную историю прихваченными из дома конфетами, и, укутавшись в выданный стюардессой плед, провалился в сон. А для Михаила, сидевшего рядом с ним, пледа не нашлось, и он так до конца полета и читал братьев Стругацких. Когда объявили посадку, Радий проснулся и со свойственной ему горячностью принялся расхваливать прочитанное.

– Вот это книга! – восторженно говорил он. – А Шерлок молодец! Казалось бы, наркоман и людей не переносит, а голова работает о-го-го! Получше, чем у сотрудников Скотленд-Ярда!

– Между прочим, в Лондоне только что открылся музей Холмса, – едва заметно улыбнулся Басаргин, поправляя очки на узкой переносице.

– Да ты что? – шумно обрадовался Полонский, пятерней откидывая русую прядь с широкого лба и сверкая круглыми глазами в сторону зардевшейся стюардессы, собиравшей с пола фантики от его конфет. – Обязательно схожу! Нам ведь только в борделях запретили бывать, а про музеи особых указаний не поступало! – подмигнул он окончательно смутившейся девушке.

– Вместе ходим, да, Радик? – обрадовался Басаргин. – Мне тоже интересно. Я прочитал всего Дойля и очень люблю его Холмса. Мама тоже любит. Она будет рада сувениру из музея.

– Молодец, Мишаня! Одобряю! – Полонский хлопнул друга по плечу. – Наш человек!

Поход в музей приятели наметили на первый день пребывания в Лондоне, опасаясь, что другого времени может и не быть. Пока остальные участники семинара основательно обустроивались в номерах гостиницы, приятели побросали вещички на кровати и, уточнив у портье, где находится музей, отправились на Бейкер-стрит. Отель их располагался на окраине Лондона, и друзьям пришлось добираться на метро. Нужная станция так и называлась – «Бейкер-стрит». Следуя указаниям портье, разъяснившего, что стоимость проезда рассчитывается по зонам, ребята купили билеты и, спустившись в подземку, двинулись в путь. Станции метро, на которых довелось побывать нашим туристам, мало чем отличались от московских, правда, были не такими помпезными.

– Во, дела! Прут, как заведенные, – проталкиваясь в толпе невозмутимых англичан, с оптимизмом изумлялся Радий. – Как у нас на «кольцевой» в час пик!

День клонился к вечеру, когда любители таланта британского сыщика наконец-то выбрались из подземки на свежий воздух и быстрым шагом приблизились по широкой современной улице к ничем не примечательному четырехэтажному зданию в викторианском стиле, остановившись у синей овальной таблички «221б», какими в Британии обозначают дома, где проживали великие люди. От улицы музей отделяла небольшая кованая оградка, на которой выде-

лялся черный рекламный щит с профилем великого сыщика. Желтая надпись на зеленом фоне над входной дверью не оставляла сомнений, что приятели пришли по нужному адресу.

– Между прочим, – проговорил Михаил, оглянув полицейского на входе, – во время написания произведений такого адреса в Лондоне не существовало. И только после продления улицы на север номер двести двадцать один бис оказался в числе новых домов, принадлежавших какой-то строительной компании. Руководство компании даже вынуждено было нанять специального человека, который отвечал бы на письма в адрес Холмса.

– Откуда знаешь? – быстро обернулся к другу Радий, направляясь в самый конец сувенирной лавки, расположенной на первом этаже, где продавались билеты.

– Читал, – пожал плечами Басаргин, пробираясь сквозь плотную толпу посетителей следом за приятелем.

– А народу-то сколько! – взволнованно прогудел Полонский, окидывая взглядом очередь, в хвосте которой они пристроились. – Музей закрывают в шесть. Успеть бы до закрытия! Мишань, стой, я пойду посмотрю сувениры, чтобы время зря не тратить.

Оставив Басаргина стоять между улыбчивыми японцами, обвешенными фотокамерами, и угрюмым немцем, Радий неспешно двинулся от витрины к витрине, выбирая, что бы такое купить. С полка красного дерева на него смотрели прекрасно изданные книги о приключениях великого сыщика, кепи и галстуки с его изображением, фетровые шляпы в стиле доктора Ватсона, ручки с надписью «элементарно, Ватсон!», ряды спичечных коробков, брелоки, магниты, шоколадные монетки, статуэтки. И даже упакованные в кожаные тубусы подарочные наборы, состоящие из пары стаканов и похожей на графин бутылки бренди. Наконец Полонский дошел до трубок. Здесь Радий остановился и с особым интересом курильщика принялся рассматривать изогнутые трубки с черным мундштуком, заканчивающиеся овальной полостью красного дерева. Сумма, указанная на ценнике каждой трубки, неприятно удивила туриста из России, но желание обладать подобной вещицей было сильнее здравого смысла. Михаил оплачивал билеты, когда к нему приблизился Полонский, в крепких зубах которого была зажата трубка.

– Это что же, ты трубку купил? – удивился приятель, с изумлением рассматривая сияющего от удовольствия Радия и протягивая в окошечко кассы шестнадцать фунтов – по восемь за каждый билет.

– Угу. Купил, – кивнул Радий. – И буду ходить с ней, не вынимая изо рта.

– Я бы тоже хотел что-нибудь купить для мамы, – несмело начал Михаил, но осекся на полуслове, увидев недовольное лицо Полонского.

– На обратном пути купишь! Пойдем быстрее, Мишань, пока пускают! – торопил его друг, увлекая к дверям.

Если не считать крохотной прихожей, в которой «горничная» принимала у посетителей билеты, основной осмотр экспозиции начинался со второго этажа. Туда вела узкая лестница, застеленная узорчатой алой дорожкой. Охристую штукатурку стен украшали эстампы с видами Лондона конца девятнадцатого века. Запах старой мебели и скрип половиц под ногами придавали осмотру экспозиции неправдоподобную натуральность. Друзья бродили по спальне Холмса, рассматривая старинные полки, шкафчики, этажерки с многочисленными статуэтками. Они останавливались перед зеркалом для бритья в стальной оправе, трогали фаянсовый кувшин замысловатой формы, расписанный синим рисунком, прикасались к ажурным, кипенной белизны салфеткам и обводили восхищенными взглядами прочие милые безделушки, скрашивающие жизнь даже таким сухим натурам, как известный сыщик.

Со стен, оклеенных обоями цвета бриллиантового зеленого, отсылая к давно минувшей эпохе, строго взирали портреты дам в пышных шляпах, похожих на пирожные, и господ в высоких цилиндрах. Здесь же, на втором этаже, располагалась гостиная с камином и креслами, в которых так вкусно выкурить по трубочке во время вечерней беседы за стаканчиком шерри. А на журнальном столике экскурсанты увидели знаменитое увеличительное стекло легендар-

ного сыщика и персидскую туфлю, в которой, как известно, автор дедуктивного метода хранил табак. В углу высилась узкая колонка, поделенная на многочисленные квадратные ящички, расположенные попарно.

– Именно так я и представлял себе картотеку Холмса! – оживился Полонский, то приседая, то поднимаясь на цыпочки, чтобы лучше рассмотреть удивительную мебель.

Рядом с колонкой стоял стол, заставленный химическими реактивами и мелкими вещичками, от которых разбегались глаза. Несомненно, все они очень полезны в расследованиях. А за приоткрытой створкой книжного шкафа лежала на пожелтевших от старости нотах та самая скрипка, на которой Холмс упражнялся в минуты задумчивости. У окна возвышался обеденный стол, застеленный накрахмаленной скатертью и сервированный на две персоны с такой любовью и вкусом, как будто с минуты на минуту за него должны были усесться Шерлок Холмс и доктор Ватсон и, вынув из серебряных колец салфетки и взяв в руки приборы, приступить к трапезе.

Третий этаж был отведен под комнаты Ватсона и миссис Хадсон. В них расположились восковые фигуры героев некоторых произведений Артура Конан Дойля, но Радию они не понравились.

– Надо было делать либо все персонажи, либо не делать вообще, – ворчал он, недовольно поглядывая на воскового ростовщика из «Союза рыжих», восседавшего за столиком на резных ножках и переписывающего Британскую энциклопедию. Полонский бегло осмотрел застывшего посреди комнаты профессора Мориасти и даже не замедлил шаг перед замершим от ужаса отчимом из «Пестрой ленты», голову которого обвила змея.

– Кто такая эта леди Френсис Карфэкс? – бормотал он, на секунду задерживаясь перед мумией в гробу и изучая медную табличку. – Мишань, ты не читал?

– Что-то не припомню, – откликнулся Басаргин.

– Приедем домой – напомним посмотреть в собрании сочинений.

Наскоро обойдя две крохотные комнатки и заглянув на четвертый этаж, где трогательно светился белизной, расцвеченной синими цветочками, унитаза старинной конструкции, Полонский заторопился на выход. Про то, что после посещения музея хотели заглянуть в сувенирную лавку и купить подарок для Аллы Николаевны, он и не вспомнил. А Михаил напомнить не посмел. Он робел перед другом. Робел и безоговорочно признавал его превосходство. Но иногда в Басаргине поднималась глухая волна негодования, гонимая, точно морским ветром, неизменным вопросом «почему он, а не я?».

Радий красив, удачлив, легок в общении и, безусловно, талантлив. Но ведь и он, Миша Басаргин, талантлив не меньше Радия. Так почему всегда и во всем замечают Полонского, а Басаргина задвигают на задний план? Да и сам Радий держится так, точно он король, а Михаил – его вассал. Вот и теперь из-за Полонского Мишина мама осталась без подарка, хотя Алла Николаевна заботится о друге сына, как о родном. Проглотив обиду, Михаил отправился за Радием в отель. Полонский планировал посвятить вечер подготовке к завтрашнему выступлению, и Михаил считал своим долгом присутствовать при этой подготовке, разъясняя другу сложные моменты написанной Басаргиным речи.

Англия, 1905 год. Золотой Берег, 1881 год

– Мистер Дойль, вас не затруднит сопроводить мисс Бетти и меня в прогулке по берегу? – осведомилась пожилая леди.

– Само собой, леди Абигайль! Я с радостью составлю вам компанию, – откликнулся юный доктор.

Таким доверием Артур был удостоен не случайно. Тетушка и племянница стали свидетельницами поистине джентльменского поведения судового врача. Это случилось в один из бесконечно длинных вечеров, в тот еще не слишком поздний час, когда над неспешно качаю-

щейся на волнах «Маюмбой» звенела музыка. В салоне первого класса, отделанном с подбавляющей роскошью кожей и деревом, коротали скучные вечера затянувшегося плавания уставшие от качки пассажиры. Сидя на привычном месте за дальним столиком, Артур окидывал заполненный людьми зал разочарованным взглядом и недоумевал, как он мог так ошибаться, рассчитывая на серьезную работу.

Работы как таковой и не было. Как правило, пассажиры жаловались на морскую болезнь и на жесточайшие мигрени, каждое утро случающиеся после вечерних возлияний и танцев.

Женщин на судне было гораздо меньше, чем мужчин. В основном это были дочери и жены чиновников, командированных на Золотой Берег для поддержания в этих землях власти английской короны. Золотым Берегом колония была названа не случайно, ибо в девятом веке арабы добрались до Нигера и обнаружили залежи золота. Золото добывали в россыпях, а также промывали речной песок. Именно золото притягивало к побережью Нигера многочисленных любителей легкой наживы.

Сперва за обладание богатыми месторождениями с местными жителями сражались португальцы. Затем сюда пришли датчане, шведы, голландцы, французы. Но к концу девятнадцатого столетия всех прежних колонизаторов вытеснили англичане, чувствовавшие себя в этих местах как дома. Большая часть пассажиров «Маюмбы» как раз и представляла собой падких до наживы авантюристов, мечтающих о дармовом золоте. Но были и те, кто плыл на Черный континент за другим богатством Африки – дешевыми рабами, о которых говорил помощник капитана.

– Мой старик всегда хотел иметь родовой особняк с вышколенным дворцом, – с характерным для янки выговором разглагольствовал сидящий напротив доктора американец Роберт Смит. – В Новой Англии мы купили дом, и теперь отец желает украсить его крепким чернокожим парнем в белых перчатках. Я обещал, что привезу ему самого представительного негра, которого только смогу найти.

Роберт был как раз из тех, кто отправился в это нелегкое плавание, рассчитывая купить на невольничьем рынке Золотого Берега партию чернокожих рабов для семейного бизнеса – плантации сахарного тростника на Ямайке. У себя на родине невольники стоили значительно дешевле, чем в любом другом месте. А так как рабов новому знакомому Артура требовалось немало, то экономия, даже с учетом перевозки всех невольников через океан, могла оказаться весьма изрядной.

– А миссис Честертон весьма неплохо танцует, – неожиданно сменил тему американец, мусоля сигару в углу рта.

– Вполне с вами согласен, – рассеянно откликнулся Артур, внимание которого привлек шум набирающей силу ссоры. В дверном проеме, перебирая пальцами бахрому опущенной вниз шали, стояла растерянная служанка миссис Люмейл, над которой скалой нависал стюард с пустым подносом в руках. У самых его ног по полу растекалась лужа из перекатывающейся с боку на бок пузатой бутылки, судя по всему, до столкновения стюарда со служанкой, стоявшей на подносе. При этом мужчина, не помня себя от гнева, визгливо кричал:

– Слепая курица! Смотреть нужно, куда идешь! Кто будет платить за разлитое шампанское?

– Но я торопилась принести хозяйке шаль, – лопотала перепуганная девушка. – Миссис Люмейл знобит, она неважно себя чувствует.

– Вот пусть теперь хозяйка и вычитает из твоего жалованья стоимость этой бутылки, – напал на прислугу стюард.

Кодекс чести, привитый Артуру матерью с первых дней его жизни, не допускал такого обращения с женщиной. Матушка с детства внушала сыну, что необходимо быть смиренным со слабыми и оставаться рыцарем для любой женщины невзирая на ее происхождение.

Извинившись перед соседом по столу за прерванную беседу, Артур поднялся со своего места и через весь салон устремился к разбушевавшемуся мужчине. Тот, увлеченный обвинениями в адрес неуклюжей служанки, не замечал подошедшего доктора и был немало удивлен, когда увесистый кулак доктора Дойля свалил его с ног, угодив прямо в глаз. Бокс относился к одним из самых любимых видов спорта судового врача, и Артур отлично владел хуком правой.

В зале раздались аплодисменты и выкрики:

– Молодец, док! Дай-ка ему еще разок, чтобы не забывался!

Когда смущенный Артур под радостные возгласы вернулся к столу, на него обрушился с похвалами Роберт Смит.

– Вот это я понимаю! – одобрительно хлопал он Артура по плечу. – Вот это по-мужски!

И американец отстегнул от атласного жилета золотую цепочку и передал в руки Дойля прекрасный брегет.

– Нет-нет, мистер Смит! Я не могу принять столь щедрый подарок, – смутился врач.

– Берите-берите, дружище! Я заметил, что у вас нет часов, и все ждал удобного случая, чтобы подарить свои.

И в самом деле, часов у Артура не было. Когда-то студент медицинского факультета подрабатывал помощником аптекаря Хора и практически безвылазно сидел в тесной каморке за лавочкой, приготавливая лекарства. Однажды в эту каморку вбежал герр Глайвиц, специалист с мировым именем по арабскому языку и санскриту. В доме аптекаря он давал уроки немецкого миссис Хор, и на тот момент аптекарша была его единственной ученицей. По щекам немца катились слезы, а из его бессвязных речей Артур уяснил, что филолог еле-еле сводит концы с концами. Семья герра Глайвица голодает, и несколько монет, одолженных Артуром, могли бы исправить ситуацию.

В кармане у студента было ровно полтора шиллинга. Но немец рыдал, он действительно нуждался в помощи, и юноша решился.

– Вот, возьмите, – выпалил он, протягивая часы и цепочку. – Возьмите часы и цепочку и толкните их!

– Толкнуть? – в мокрых от слез глазах немца мелькнуло недоумение.

– Загоните! Это хорошие часы! И не спорьте!

Смущенный собственным великодушием, Артур снова погрузился в приготовление лекарств, уже отчасти сожалея о своем внезапном порыве, но убеждая себя, что на его месте именно так и поступил бы каждый порядочный человек.

И вот теперь уже ему приходилось принимать от других слишком щедрые подарки, взгоняющие в краску.

– Берите-берите, док, ведь это не последние мои часы, – снисходительно убеждал Артура американец. – Не сомневаюсь, что, когда потребуется, вы с самым чистым сердцем тоже окажете мне любезность. Вы врач и не сможете оставаться в стороне от консультации по естественно-научным вопросам.

– С радостью буду вам полезен не только как врач, но и как друг, – уступая настойчивым просьбам плантатора, Артур взял часы и принялся рассматривать их, привыкая к новой вещи.

– Да-да, именно как друг! – горячо воскликнул Роберт Смит.

– Ну что же, спасибо, дружище! – убирая часы в карман жилета, рассмеялся Артур. – Я рад, что на борту этого унылого судна встретил друга!

Леди Абигаиль, наблюдавшая за этой сценой, подумала, что такому благородному человеку, как доктор Дойль, можно довериться. И вот теперь представился случай воспользоваться любезностью Артура.

– Да, мисс, именно так! Вы сойдете на берег только под присмотром доктора!

Получив согласие, мисс Бетти завизжала и, распахнув объятия, кинулась на шею старишке, чуть не свалив родственницу с ног. Затем заторопилась в каюту, наряжаться перед выходом. Тетушка последовала за ней, собираясь удостовериться, что наряд ветреницы будет приличным и не повергнет аборигенов в шок.

– Вот видите, – с улыбкой проговорил Артур, поворачиваясь к помощнику капитана. – На смену викторианской Англии идет преемница, непосредственная, живая, юная Америка.

– Как скажете, док, как скажете, – уклончиво ответил Том Вильсон, глядя на удаляющихся к каюте дам. – Ну что же, желаю хорошо провести время на берегу. Разрешите откланяться, господин Дойль. Служба.

Поднявшись с шезлонга и кивнув в знак почтения, Том Вильсон развернулся на каблуках и удалился в рубку. А с дальнего конца палубы к доктору торопился Роберт Смит. Молодой человек был в легкомысленном песочном жакете с широким поясом и короткими рукавами и бриджах цвета хаки, а рыжие вихры его покрывала широкополая шляпа, так горячо любимая среди жителей его родных мест.

– Ну? Так как, мистер Дойль? Вы можете мне не оплошать с невольниками? – янки подмигнул Артуру, потрясая туго набитым щегольским бумажником из крокодиловой кожи, который держал в руках.

– Прошу прощения, Роберт, но я должен сопровождать на берег мисс и миссис Эверсон, – смутился врач. – Дамы просили помочь, и я уже дал согласие.

– Да ладно, док, не смущайтесь! – тяжелая пятерня американца опустилась Артуру на плечо. – Я вас отлично понимаю. Таких красавиц нельзя отпускать одних.

И мистер Смит, доктор Дойль и присоединившиеся к ним леди принялись терпеливо ждать, когда корабль пришвартуется, чтобы сойти на берег. Мистер Смит собирался купить невольников, доктор Дойль – проявить благородство и сопроводить знакомых дам в чужой и дикой стране, а мисс и миссис Эверсон хотели позаботиться об аборигенах, не понимающих своего счастья и манкирующих их заботой.

Дельфинья бухта. Наши дни. Лиза

Люблю ли я Гошу? Не знаю. Он просто у меня есть. Просто он часть меня. Как рука. Как нога. Без них тоже живут. Но как же больно, когда их теряешь! Хотя, честно говоря, сейчас меня подстегивает не столько любовь к сыну, сколько страх. Страх, живущий во мне с самого детства. Я очень хорошо помню момент, когда он во мне поселился.

Мне было шесть лет, и я проводила лето у бабушки. Бабушка забрала меня из Москвы к себе на дачу вовсе не потому, что хотела накормить витаминами с грядки и напитать летним солнцем, а потому, что отношения моих родителей зашли в тупик, и я только мешала им скандалить. Мама и папа подолгу и с упоением ругались, а я была досадной помехой в беспощадных родительских баталиях с взаимными оскорблениями, а порою и рукоприкладством.

Родителей я любила одинаково, но спокойного уравновешенного папу все-таки больше, чем взрывную, крикливую маму, и, копаясь на бабушкиных грядках, как-то обмолвилась, что рашу эти огурчики для любимого папочки. Мамина мама строго посмотрела на меня пронзительным взглядом инквизитора, от которого побежали мурашки по спине, и холодно заметила, что, к моему сведению, у моего любимого папы имеется другая семья. И там есть ДРУГАЯ ДЕВОЧКА. Еще бабушка сказала, что ДРУГАЯ ДЕВОЧКА не ломает полки холодильника и не забивет сток раковины цветочными лепестками, поэтому-то папа и будет жить с ней, а не со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.